ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 108 (4031)
ВТОРНИК,
13
СЕНТЯБРЯ
1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

ПОСЕЩЕНИЕ ВЫСТАВКИ «ИНТЕРОРГТЕХНИКА-66» РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

12 сентября товарищи Л. И. Брежнев, К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Кулаков посетили открытую в Сокольниках международную выставку «Средства механизации инженерно-технических и административно-управленческих работ — «Интероргтехника-66».

Выставку осмотрели также заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, В. А. Кириллин, министры СССР В. В. Мацкевич, К. Н. Руднев, заместитель председателя Госплана СССР М. Е. Раковский, заведующий отделом машиностроения ЦК КПСС В. С. Фролов, заместители министров СССР В. Н. Третьяков, В. А. Борисов, председатель президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров и другие. (ТАСС)

КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ПАРТИЯ!

Юность страны— на Красной площади

НА НАШИХ СНИМКАХ: слева—Москва. Красная площадь, 11 сентября 1966 года. В центре — участники слета из Белоруссии, бывший командир партизанского соединения С. Г. Сидоренко-Солдатенко и старшая вожатая школы № 21 из города Могилева Вера Яновская. Справа — последние часы слета на Центральном аэродроме.

Фото В. Будана и А. Награльяна

ЧЕТЫРЕ сентябрьских дня и четыре ночи в Москве пылал огонь этого удивительного праздника юности — второго слета победителей Всесоюзного похода советской молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы нашего народа.

Четыре дня и четыре ночи три тысячи юношей и совсем еще мальчишек, девушек и совсем девчонок прожили на московской земле, доложив партии и Родине о том, что они сделали в течение долгого года походов по дорогам отцовских подвигов.

Десять миллионов молодых людей, охваченных жаждой изучить живую, героическую историю Отечества, свершили немало прекрасных дел. За двенадцать месяцев они собрали такое количество бесценных исторических реликвий, свидетельств, материалов, которые дали жизнь 59 тысячам музеев, комнат и уголков боевой славы. Юные следопыты установили 15 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на могилах павших бойцов, разыскали тысячи неизвестных героев войны...

— Мы шли дорогами Пятой армии, сражавшейся на подступах к Москве. И нам очень хочется написать книгу обо всем, что мы узнали и увидели.

— Мы шли из Киева на Курск, оттуда на Брест и Калининград. Кто знает, может быть, нам посчастливится создать об этом походе книгу...

— Члены нашего Буйнакского клуба юных патриотов прошли по горным дорогам Дагестана на одну сотню километров, разыскали 250 участников Отечественной войны и записали их подробные рассказы...

Это говорили нам участники незабываемой встречи. Отрадно, что наши военные писатели теперь имеют таких славных, неутомимых помощников, следопытов народного подвига.

МНОГОЕ повидала на своем веку наша Красная площадь. А позавчера 40 минут, с одиннадцати двадцати и до двенадцати часов, она слушала голос юности страны. Всего сорок минут, но каждая из них была до краев наполнена волнующим чувством светлой любви к Родине, к партии. Думается, что эти сорок минут одиннадцатого сентября 1966 года надолго останутся в народной памяти.

...Красная площадь, торжественно украшенная и залитая столь редким в эти осенние дни солнцем, заполнена. Три тысячи делегатов слета со знаменами своих республик, с гербами родных городов, вымпелами своих клубов выстроились в длинную шеренгу. За ними — юные москвичи, представители всех районов столицы.

11 часов 20 минут. На трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Кулаков. Вместе с ними Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, Первый секретарь ЦК МНРП, председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал. Здесь же руководитель Центрального штаба Всесоюзного похода, Маршал Советского Союза И. С. Конев, Маршал артиллерии В. И. Казаков, член Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян, секретари ЦК ВЛКСМ, космонавты, ветераны войны и труда.

Серебристо звучат фанфары. Они призывают к тишине.

— Советская молодежь шла, идет и будет идти дорогой своих отцов, дорогой Коммунистической партии, дорогой Ленина, — говорит секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Он отмечает, что в представлении нашего молодого, воспитанного партией коммунистов поколения подлинная революционность не имеет ничего общего с авантюризмом, с разжиганием национального эгоизма, с крикливым бехеальством. Для советской молодежи подлинная революционность — это единство действий, это конкретная, целенаправленная и согласованная борьба против злейшего врага человечества — империализма!

— Пусть знамена Октября, ратных и трудовых подвигов наших отцов вдохновляют советскую молодежь на новые свершения, ведут вперед и вперед! — заканчивает тов. Пастухов.

— Знамена славы вместе!

И, кажется, в эту минуту на торцы Красной площади вступила сама история. Самые священные, самые дорогие народному сердцу знамена почти пятидесяти октябрьских лет поплыли над колоннами молодых патриотов. На осеннем ветру заколыхались флаг крейсера «Аврора», боевое знамя Первой Конной армии, знамена Комсомольска-на-Амуре, полка, штурмовавшего Берлин, рязанских комсомольцев-трактористов — победителей соревнования во время Отечественной войны, московской комсомолии, славного Братска, всесоюзной организации юных ленинцев и, наконец, флаг атомной подводной лодки, которая совершила кругосветный поход, не поднимаясь на поверхность океана.

...Рядом с нами на трибунах у Мавзолея стояли поседевшие ветераны войны и труда. Четыреста дорогих гостей — отцов и матерей — пригласил слет. И среди них — большая группа гостей из Узбекистана. 67-летний коммунист, гвардеец Рейза Шайбаевич Усманов в юности сражался в одном из полков М. В. Фрунзе, утверждая Советскую власть на земле Средней Азии. В Отечественной войне он, бесстрашный сапер, прошел до Берлина, Праги, до самой победы. С тех пор минуло много лет, но старый коммунист по-прежнему в строю молодых.

...Ритуал торжества лаконичен и строг. Площадь поет ставшую крылатой песню «Ленин всегда с тобой». Парни и девушки в национальных костюмах несут к Мавзолею огромный венок и корзины цветов. Больше всего — гвоздик. Двести букетов алой гвоздики окаймляют парапет Мавзолея.

Тишина, суровая тишина... Молодость думает о Родине, думает о героях-отцах.

— Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! — плывет над колоннами, точно так же, как в памятные дни войны, знакомый голос Левитана.

Барабанная дробь возвещает о минуте скорби. Красная площадь призывает: помните, помните, помните!..

Группа молодых людей несет к подножию Мавзолея зеленую Гирлянду Славы. Бойцы опускают боевые знамена. Никто не забыт и ничто не забыто! Все — каждый подвиг, каждая жизнь, каждый шаг, который стоил крови, — будут вечно живы в памяти народной, как человеческое сердце, ровное и сильное, биение которого микрофоны сейчас разносят над площадью, над Москвой, над всей советской землей.

Оглядываюсь на трибуны — плачут ветераны. Смотрю на стоящих поодаль боевых генералов — они тоже не скрывают слез. Всматриваюсь в лица юношей и девушек — слезы. И — твердость, решимость, святая вера в дело отцов, в дело партии, в дело народа. Наверное, об этой ни с чем не сравнимой минуте будут написаны стихи и созданы картины.

...В торжественной тишине первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов читает текст клятвы молодежи на верность партии.

— ...Молодостью своей клянемся тебе, товарищ партия, быть верными делу коммунистов! Наше поколение никогда не свернет с ленинского пути! Каждым ударом сердца, каждым прожитым днем, всей жизнью своей клянемся утверждать на земле коммунизм! — звучит с трибуны Мавзолея.

И, словно могучий девятый вал, по Красной площади катится:

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

Светлый гимн международного пролетариата — «Интернационал» — завершил торжество. И вновь словно буря пронеслась над площадью: «Ленин с нами! Ленин с нами!», «Слава партии коммунистов!»

Через несколько часов на Знаменной площади Центрального аэродрома состоялось официальное закрытие Всесоюзной встречи юных патриотов.

Возникло естественное желание узнать, что думают об этом празднике сами его участники. Вот что мы услышали,

Маршал Советского Союза И. С. Конев: — Мы все находимся под впечатлением волнующей демонстрации на Красной площади. Она запомнится всем как яркое патриотическое выступление нашей молодежи во главе с комсомолом, присягавшей на верность партии, Родине. Этот слет стал важным политическим событием в жизни нашей страны.

Герой Советского Союза, вице-адмирал Г. Н. Холостяков: — Замечательный праздник! И прежде всего потому, что он стал торжеством миллионов молодых патриотов. Думается, что слеты юных следопытов должны стать ежегодными, войти в традицию.

С. Г. Сидоренко-Солдатенко, командир партизанского соединения, действовавшего в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии: — Меня и моего друга, командира партизанской бригады Григория Кузмича Павлова ребята прозвали бородачами. Но это не помешало нам стать участниками слета... Такого праздника мы еще никогда не видели. Будет, что вспомнить и о чем рассказать дома. Большая просьба напечатать в вашей газете, что мы, белорусские партизаны, просим провести четвертый всесоюзный слет юных следопытов у нас в Минске. Третий состоится я будущем году в Ленинграде, а потом уж непременно надо в Белоруссии.

Н. МАР

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя АНТОКОЛЬСКОГО П. Г. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Антокольского Павла Григорьевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА. КРЕМЛЬ.
12 сентября 1966 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя ШОГЕНЦУКОВА А. О. орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шогенцукова Адама Огурлиевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА. КРЕМЛЬ.
12 сентября 1966 г.

НАШ ФОРУМ
Проблема № 1

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

1. От Генриха IV до Антанты

Николай МОЛЧАНОВ

Сегодня мы начинаем обсуждение проблемы европейской безопасности — важнейшей политической проблемы наших дней. Мы открываем его статьей доктора исторических наук, профессора Н. Н. Молчанова, дающей краткий исторический обзор вопроса. В дальнейшем редакция предполагает опубликовать высказывания советских и зарубежных политических деятелей и публицистов, которые согласились принять участие в этом форуме «Литературной газеты».

В ЕВРОПЕ воевали так часто и так много, что чередование войн и коротких промежутков между ними казалось столь же естественным явлением, как смена времен года. Некоторых это даже радовало. Фридрих Великий, король Пруссии, родоначальник самого зверского милитаризма, писал в глубокой старости в письме Вольтеру: «Я стар, весел, болен подагрой, хорошо настроен... просматривая страницы истории, я вижу, что никогда не проходило десятилетия без войны. Эта перемежающаяся лихорадка может иметь перерывы, но прекратиться, — никогда!»

Впрочем, и Вольтер, в отличие от Фридриха ненавидевший войну, скептически смотрел на перспективы установления мира в Европе. Он саркастически писал, что вечный мир наступит «возде ямы, которую хотели прорыть до центра земли, чтобы точно узнать, как следует себя вести на ее поверхности».

Но неужели настоящее и будущее европейской безопасности столь же безнадежно, как и ее прошлое? Ответить на этот вопрос можно путем сопоставления современного положения и перспектив будущего с историческим опытом. Иные скептики порой обвиняют историков в том, что они не способны на большее, чем «предугадывать прошлое». Между тем, только зная уроки прошлого, можно предугадать будущее. Любая из прогрессивных тенденций наших дней имеет корни в прошлом, которое таким образом выступает в качестве лучшего пророка будущего.

На первый взгляд, в прошлом Европы нет ничего обнадеживающего. Европейцы непрерывно совершенствовались в искусстве уничтожать друг друга. В битве при Каннах в 216 году до нашей эры на фронте протяжением в 4 километра сражались 136 тысяч человек. В сражении при Бородине в 1812 году на поле боя шириной в 6 километров участвовало 255 тысяч бойцов. В битве за Берлин в 1945 году на фронте в 220 километров сошлись почти 2 миллиона солдат и офицеров. А в будущих битвах, если они разразятся в Европе? Учитывая то обстоятельство, что за последние десятилетия сила средств уничтожения увеличилась в большей степени, чем за предыдущие несколько тысячелетий, можно дать точный ответ, даже не прибегая к цифрам. Все население Европы окажется вовлеченным в битву, и наш старый, тесный, густонаселенный континент превратится в сплошную груду развалин.

Но, быть может, дипломатия способна избавить Европу от ужасной перспективы ядерной войны и обеспечить, наконец, европейскую безопасность? Если обратиться к прошлому, то приходится констатировать, что еще никогда буржуазной дипломатии не удавалось создать в Европе состояние даже относительного спокойствия. Ни одно из международных соглашений прошлого нельзя сравнить по длительности и всеобщности действия с господством в старой европейской политике непререкаемого закона джунглей. Однако подобные фразы не разъясняют проблему, а лишь подчеркивают ее серьезность и требуют более внимательного анализа поучительного опыта прошлого. Оглянуться назад особенно интересно сейчас, когда политика Советского Союза и других социалистических стран, назревающие изменения внешнеполитических позиций западноевропейских государств создают реальные перспективы обеспечения европейской безопасности от угрозы, которую несут ей американо-боннские махинации против мира.

Мы оставим в стороне вопрос о причинах европейских войн, всегда служивших выражением естественного исторического процесса развития экономики, политики и идеологии. Рассмотрим сейчас субъективную сторону дела, то есть намерения и действия политиков с целью создания мирной и устойчивой системы международных отношений в Европе.

Несколько веков назад появились проекты установления мира в Европе и упорядочения международных отношений. Так, в середине XV века чешский король Юрий Подибрад выдвинул первый подробно разработанный план создания европейской организации государств. Через полтораста лет другой план подобной организации предложил французский король Генрих IV. Немало различных проектов наведения мира в Европе разрабатывали философы, писатели, юристы.

История накопила обширную коллекцию рецептов обеспечения безопасности. Здесь и идея сохранения мира в Европе путем установления преобладающего влияния одной державы, концепция «естественных границ», «равновесия сил», «вооруженного мира», «европейского концерта» великих держав, доктрины союзов двусторонних и многосторонних, «гарантий» безопасности, предоставляемых одной стране другой, «контроля» над потенциальным агрессором, «примирения» с агрессивной державой, наконец, идеи «европейского объединения» и коллективной безопасности.

Все эти концепции в той или иной степени практически применялись на различных этапах дипломатической истории Европы отдельными государствами или группами государств. Посмотрим, что же из этого получилось.

«ПРОСТЕЙШИМ» решением вопроса о безопасности в Европе было бы, по мнению знаменитого английского философа Томаса Гоббса, установление гегемонии одной какой-либо державы, которая ограничила бы суверенитет других стран и не позволяла бы им воевать между собой. Совершенно очевидно, что в данном случае идея европейской безопасности с помощью примитивного софизма превращается в свою противоположность. Тем не менее «простейшая» концепция не раз активно навязывалась Европе, чаще всего силой оружия.

(Окончание на 4-й стр.)

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

ЯБЛОНИ И ОВРАГИ

Орест МАЛЬЦЕВ

О ТОМ, как на Белгородщине начали превращать бросовые овраги в сады, я писал в очерке, опубликованном в «Литературной газете» 27 ноября прошлого года. И вот этим летом я снова возле леса Скрипенского; все тот же длинный и широкий, капризно изогнутый овраг. Все тот же. А не узнать. Овраг ведь обычно неприглядан, это — морщина на прекрасном лике земли. Сейчас же я увидел на его терасированном склоне сад. Настоящий молодой сад. И овраг, знакомый мне с детства, угрюмый, с зияющими промоинами, стал вдруг уютным.

Минувшей осенью яблони и вишни были еще прутиками, заискивавшими даже перед слабым ветром, а нынче они окрепли, шелестят молодыми кронами. Террас, описывающих склон, — восемь, по два ряда деревьев. Кое-где еще заметны промоины, но они прочно заделаны ивовыми плетнями и дерном — сточной воде преграда!

Создатель этого необычного сада — Александр Захарович Шапошников, научный сотрудник областной сельскохозяйственной опытной станции. Как и в первый раз, я разыскал его в поле. И тут же он увлек меня через лесистую балку к следующему оврагу. Еще вчера этот овраг считался эрозийно-опасным, а сейчас в нем заложен новый сад. Вот как готовили для него террасу. Гусеничный трактор карабкался по склону. Впереди «лопата» бульдозера, в прицепе плуг. Идет трактор в одну сторону — плуг пашет, а отвал бульдозера поднят, идет обратно — бульдозер смещает вспаханный грунт, причем делает это так, чтобы насыпь получалась на полметра выше выемки. Вот, в сущности, и вся технология.

— Сады в оврагах у нас раскинутся на ста гектарах, — с гордостью сообщил Шапошников и добавил: — Вот так мы развернулись после майского-то Пленума! Ох, как его ждали! Это я знаю не только по себе. После статьи обо мне столько писем я получил! И до сих пор получаю. Да каких писем! Читаешь — горы хочется своротить, не то что овраги! Пойдемте, покажу.

Мы сидим в квартире Шапошникова, в небольшом старом домике в дряхлеющем саду и перебираем письма. Их действительно много. Со всех концов страны. Федор Иванович Пашков с Днепропетровщины пишет, что у них в селе Ново-Григорьевка площадь оврагов превышает шестьсот гектаров. В свое время эти овраги передали гослесничеству. Он, Пашков, тогда на собрании возражал: мол, лучше развести на склонах сады и виноградники. Но землеустроители поспешили «сбагрить» неудобные земли на сторону. Верхнеднепровское лесничество начало сажать там преимущественно на пологих склонах акации и клены. В результате колхозники лишились выпасов, лесопосадка получилась жиденькая, зато развелось столько сорных трав, что от них нет спасения. Под новый же сад заняли равнину.

«Я вам пишу об атом с таким расчетом, чтобы с помощью газеты был бы поставлен вопрос о возвращении колхозу имени Шевченко отчужденного земельного массива и о более разумном его использовании, с выгодой для колхоза и государства».

А. О. Мануйлова из города Фрунзе вспоминает, как еще девочкой любовалась склонами гор вокруг Феодосии, сплошь заросшими грецким орехом, фисташкой, айлантусом. Лесные полосы тянулись по террасам и обводнялись арыками... «Но что же я увидела, путешествуя по Крыму теперь? Столетние деревья-великаны вырублены, ныне склоны гор вдоль шоссейных дорог засажены кипарисами. Но все они засохли, так как никаких террас не было сделано. Посадки гибнут даже в питомнике в селе Оползневом, потому что оросительные канавки не заполняются водой, хотя рядом без толку течет в море горный ручей... «Хорошо было бы, — заканчивает Мануйлова, — чтобы ваш опыт вошел в жизнь».

Пришло письмо из Антарктиды, с борта «Славы». К сожалению, подпись неразборчива. Автор письма сетует, что на его родине, в колхозе имени Кирова Валуйского района Белгородской области, такие «отхожие» земли, как овраги, не используются под сады. Очень хотелось бы ему, чтобы там объявился свой Шапошников и разбил бы сад в овраге, и еще, мечтает он, построить бы плотину с водосбором. «Представить только: в пруду зеркальный карп, на берегу утиная ферма, а на склонах сад — райский уголок! Если не сделают этого без меня, то сделаю я, когда пойду на пенсию».

Письма отовсюду, ибо везде есть люди, заботящиеся о красоте земли нашей. Ну, а кто может приехать за советом на опытную станцию, тот приезжает. Или приходит. Соседние колхозы «Искра» и «Страна Советов», первыми перенявшие опыт Шапошникова, уже успели убедиться в том, что дело это не только красивое и благородное, но и весьма выгодное. Терасирование одного гектара овражного склона стоит не дороже пятидесяти рублей, а доход от сада на этом же гектаре достигает двух тысяч рублей в год.

— Так что я не один, — улыбаясь всем своим округлым, крепко загорелым лицом, говорит Александр Захарович. — Нас много...

И уж пошла по рукам написанная им листовка-плакат — «Используйте склоны под сады», изданная в количестве тысячи экземпляров опытной станцией и областным отделением общества «Знание». А порой и сам Шапошников отправляется в какое-либо хозяйство, помогает на месте выбрать такой овраг, в котором сад мог бы свободно развиваться.

Меня заинтересовало, как относятся к разведению садов в оврагах ученые.

В одном из тихих переулков Замоскворечья — Почвенный научно-исследовательский институт. Здесь у меня состоялась встреча с академиком ВАСХНИЛа, доктором сельскохозяйственных наук профессором Сергеем Степановичем Соболевым. Он показался мне чем-то похожим на Шапошникова, как будто тоже только что слез с запыленной брички, или вышел из лесу, или пришел с пшеничного поля. Весь в заботах. Над столом у него висит муляжный макет разветвленного оврага. Есть такой и на местности, где-то в той же Белгородской области. Кивнув на макет, Сергей Степанович с горячностью сказал:

— Овраги!.. Как здорово, что газета занялась этим вопросом. Да ведь под оврагами у нас в стране по меньшей мере пять миллионов гектаров! Будем действовать сообща. Борьба с водной и ветровой эрозией почв и зерновая проблема — главная тема моих работ. Если сложить все мои докладные записки на эту тему и решения комиссий, в которых я участвовал, а иногда даже председательствовал, то получится, поверьте, бумажная гора.

И он показал свежую докладную записку на шестнадцати страницах. Эпиграфом к ней стоят слова В. И. Ленина: «Берегите, храните, как зеницу ока, землю...» В записке приведены убедительные примеры того, как, где и почему из года в год растут у нас площади эрозированных почв; перечислены условия, при которых можно успешно бороться с водной и ветровой эрозией.

— Только теперь, после майского Пленума, — сказал профессор, — нашим рекомендациям дан ход, и дело таким образом от науки ушло в жизнь, сомкнулось с нею. Если мы сумеем, как хочется, весною задержать хотя бы половину талых вод, то получим почти без затрат дополнительно один-два миллиарда пудов зерна! Вот так-то! Сады в оврагах имеют к этой проблеме самое прямое отношение. Они не только принесут дополнительный урожай фруктов, но и позволят лучше задерживать талые воды.

Мне остается только довести эти слова ученого до читателя.

БЕЛГОРОД — МОСКВА

Силуэты Москвы. Строительство нового здания СЭВ.

Фото Дм. Вальтерманца

В писательских организациях

КАЗАХСТАН

● На днях президиум правления Союза писателей Казахстана заслушал отчет о поездке большой группы литераторов республики в Восточно-Казахстанскую, Семипалатинскую и Павлодарскую области. Во многих городах и селах состоялись встречи, на которых писатели и читатели обсуждали важнейшие вопросы развития родной литературы, произведения последних лет.

В Семипалатинске участники поездки выступили на мемобластном семинаре молодых, проанализировали ряд произведений, поделились творческим опытом...

Президиум одобрил результаты поездки писателей по восточным областям республики.

● В Алма-Ате в клубе литераторов собралась вторая конференция казахского отделения Советского общества дружбы и культурной связи с арабскими странами. С докладом выступил председатель отделения писатель-академик Сабит Муканов. Докладчик и выступавшие подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления и расширения дружбы и культурных связей между арабскими странами и советскими республиками.

На конференции были рассмотрены организационные вопросы: избран новый состав президиума, делегаты на вторую конференцию Советского общества дружбы и культурной связи с арабскими странами.

● В Уйгурском районе живет и работает поэт Изим Искандеров, чьи поэмы воспевают героическую борьбу уйгурского народа за установление Советской власти и его самоотверженный труд во славу социалистической Родины. Произведения И. Искандерова переведены на многие языки народов Советского Союза.

Литературная общественность республики широко отметила 60-летие со дня рождения и 40-летие литературной деятельности Изима Искандерова, чье имя, как сказано в приветствии правления Союза писателей Казахстана юбиляру, стоит в ряду тех, кто закладывал основы уйгурской советской литературы.

Дж. ТАШЕНОВ

АЛМА-АТА

«НАМ НАДОЕЛО, ЧТО МЫ КУСТАРИ...»

ОРГТЕХНИКА И ТРУД ЖУРНАЛИСТА

ПО ПРОФЕССИИ я журналист и на выставку «Интероргтехника-66» пришел узнать, что может предложить техническая мысль для того, чтобы свести до минимума чисто механические, нетворческие заботы людей моей профессии.

Рекламируя средства механизации управленческих работ, участники выставки часто повторяют, что за последнее столетие производительность труда в промышленности выросла во много раз, а в сфере управления — всего вдвое. Получился невероятно большой, опасный разрыв, который, конечно же, сказывается всюду. Не может не сказываться.

С полной ответственностью утверждаю, что в журналистике производительность труда увеличилась еще меньше, чем в сфере управления. Полагаю, всего на несколько процентов. В век кибернетики многие облегчающие работу аппараты и приборы так и не появились на нашем рабочем столе.

Особенно остро и повседневно это чувствуем мы, газетчики, работающие на многомиллионного читателя, что многократно поднимает степень нашей ответственности прежде всего за оперативность и точность изложенного.

Журналист собрал интересную информацию, написал заметку, газета напечатала ее, читатель прочел. Сколько времени ушло на все это? Нередко всего несколько часов. Таков темп нынешней работы газетчика, темп достаточно напряженный. И требования к количеству, качеству и своевременности информации с каждым днем повышаются.

Подсчитано, что у квалифицированного журналиста большая часть его времени уходит на сбор материала и передачу его в редакцию. Вот здесь-то и сказывается плохая техническая оснащенность журналиста. Чем он вооружен в командировке? Карандашом, автоматической ручкой низкого качества да блокнотом. Если у него есть пишущая машинка, то зачастую неподъемная — она стоит дома. А если ему удалось приобрести портативную машинку, то в редакции его рукопись все равно будет перепечатана, ибо шрифт у портативной машинки малоформатный. Вот так и течет время сквозь пальцы, уходит на чисто технические заботы.

Выставка же показывает, что есть все возможности оснастить журналиста современной техникой.

Прежде всего диктофоном. Он и достоверность сохранит лучше блокнота, и позволит при подготовке, скажем, интервью к печати восстановить в памяти все детали и нюансы беседы. Интонация фразы, как утверждают некоторые исследователи, несет до сорока процентов всей информации. А как ее сохранить на листке блокнота?

Мы пока что не имеем диктофонов. И никто у нас еще всерьез не занимается разработкой их конструкций. Идут лишь разговоры о необходимости их выпуска. Предполагается начать производство стационарных, предназначенных для кабинетных условий диктофонов типа «дипломат», а затем и более легких диктофонов типа «седа». Первый весит около восьми килограммов, ни о какой походной работе с ним не может быть и речи. Поэтому с интересом было встречено сообщение о том, что предполагаются разработка и выпуск портативного, очень удобного в работе, размерами чуть больше папиросной коробки, диктофона. Мне довелось немного поработать с близким к нему по характеру диктофоном «ЕН-3» фирмы «Грундиг», и я мог оценить его удобства и достаточно высокие эксплуатационные качества. Аппарат весит менее 400 граммов, его можно носить в кармане. Нам требуется именно такой диктофон — удобный, достаточно надежный и, желательно, дешевый. Но первую тысячу таких звукозаписывающих аппаратов промышленность предполагает выпустить только в 1968 году!

Несколько лет назад один из куйбышевских заводов взялся было производить диктофоны типа «блокнот», но прошло несколько лет, модель морально устарела, а еще ни одного серийного образца нет. Конечно, так можно похоронить любое решение. Нежелание выпускать сложные в производстве диктофоны вызывается еще и тем, что ни для одного из предприятий эта продукция не является основной. А на побочные дела и смотрят, как на побочные — за них строго не спросят. Настало время создать сеть специализированных предприятий по выпуску бытовой звукозаписывающей аппаратуры.

ОДНАКО этим не исчерпывается проблема писательской и журналистской экипировки, проблема нашего инструментария.

Приведу цифры. По некоторым подсчетам на две тысячи жителей нашей страны приходится всего одна пишущая машинка. В ходу немало устаревших моделей, которым не место на рабочем столе ученого, журналиста, писателя, технического секретаря, делопроизводителя, машинистки. Те машинки, которые выпускаются московским заводом, конструктивно отстают от лучших зарубежных моделей. Работать на наших машинках трудно — требуется килограммовое усилие при ударе по клавише. На предприятии горько шутят, что это сделано конструкторами для того, чтобы стереть грань между умственным и физическим трудом.

До сих пор у нас не разрешена и проблема карандаша. Карандашей выпускается гигантское количество — значительно более миллиарда в год. На них щедро расходуется дорогая и весьма дефицитная кедровая дощечка. Единственный в стране поставщик такой древесины — Томская фабрика — не удовлетворяет полностью потребность в сырье. В итоге мы получаем те самые карандаши, которые так неохотно затачиваются.

Механических цанговых карандашей выпускают мало, ибо на них нет спроса. Еще бы: покупателю гораздо выгоднее приобрести сто обычных карандашей ценой в копейку, чем один цанговый, средняя цена которого около рубля. Но вместо того чтобы найти способ удешевить механический карандаш, наша промышленность предпочитает переводить в стружку кедрач. Если в некоторых зарубежных странах соотношение обычного и механического карандаша можно выразить цифрами 1:7, то у нас арифметика будет куда менее благосклонна к цанговому, современному карандашу.

Следует сказать и о шариковой ручке. Вместо 20 миллионов экземпляров, заказанных торговлей, в магазины в этом году поступит почти в два раза меньше. И дело не только в количестве. Ручки делаются из блеклых пластмасс. Почему-то до сих пор не выпускается «шарик» на фабрике имени Сакко и Ванцетти, которая имеет квалифицированные кадры и могла бы помочь тому, чтобы дефицитная ныне вещь стала доступной повсюду.

Не могу из-за недостатка места подробно поговорить о блокнотах и бумаге вообще, а надо бы поспорить с теми, кто первоклассную фабрику «Светоч» обязал выпускать обычные школьные тетради, продукцию, не требующую кадров такой высокой квалификации, такого отличного конструкторского бюро, как на этом предприятии. Куда разумнее передать фабрике выпуск блокнотов, досье, специальных деловых календарей, которые многие могли видеть на выставках, но которых нет в продаже.

ПРИ Союзе журналистов есть смысл создать секцию или группу, которая постоянно, серьезно, с заглядом вперед и изучением лучших мировых образцов, занималась бы проблемами технической экипировки журналистов и современного оборудования редакций — от переносных, весьма удобных в работе телетайпов до разработки системы ведения каталогов, досье, личных и редакционных архивов, нужных как писателю, так и журналисту. Одним словом, разрабатывала бы журналистскую и писательскую оргтехнику.

Такая секция наряду с творческими подразделениями союза — и вровень с ними — очень нужна, ибо современная техника может в известной мере облегчить и чисто творческий процесс: во всяком случае не следует противопоставлять технику и творчество.

Было предложено открыть в Москве магазин «Журналист», где можно будет купить диктофон, заказать визитные карточки, приобрести отличного качества авторучку, книгу по журналистике. Исполком Моссовета поддержал идею создания такого магазина, но не выделил помещения. И вот прошло более года, а идея не реализована.

Я говорю обо всем этом не только потому, что приближается 2-й Всесоюзный съезд журналистов, на котором, по-видимому, будут обсуждаться эти наболевшие вопросы, но и потому, что весь необходимый инструментарий журналиста может быть использован людьми многих других профессий. Техника в наш век помогает организовать, облегчить и творческий труд. Помните у Маяковского: «Нам надоело, что мы кустари. — Хотим механизироваться»...

К. БАРЫКИН

На родине Ильича

На родине В. И. Ленина, в Ульяновске, с 15 по 25 сентября по инициативе Ульяновского обкома КПСС состоятся Дни литовской культуры, посвященные 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. К великой дате — столетию со дня рождения основателя Советского государства — в родном городе Ильича побывают делегации деятелей искусства всех союзных республик.

В Дни литовской культуры в Ульяновске пройдут концерты мастеров искусства Литвы, камерного оркестра, ансамбля песни и танца «Летува». В кинотеатрах области зрители увидят фильмы литовских кинематографистов. В Ульяновском областном художественном музее будут экспонироваться произведения литовских графиков. В городе откроется выставка литовской книги, начнут работу книжные базары.

В город на Волге приедут литовские писатели А. Гудайтис-Гузявичюс, А. Балтакис, Ю. Мацявичюс, Пальчинскайте. Поэты и прозаики Литвы посетят среднюю школу № 1 имени В. И. Ленина, где учился гимназист Ульянов, увидятся с читателями и библиотечными работниками Ульяновского дворца книги имени В. И. Ленина. Литовским художникам слова предстоят встречи со студентами ульяновских вузов, трудящимися крупных предприятий города.

УЛЬЯНОВСК.
(По телефону)

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА НОВОЙ КНИГОЙ

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ:

МНЕ всегда немного трудно говорить о своих будущих книгах. Не потому, что я опасаюсь показаться нескромным, а скорее потому, что я, вообще-то, не из плодовитых писателей, пишу медленно, трудно и боюсь обещать больше того, что сумею сделать. И все же мне есть что рассказать: 50-летие Октября я встречу не с пустыми руками. Только что вышел из печати сборник новелл. Называется он «Смерть еще подождет». Я долго вынашивал эти рассказы о героях Великой Отечественной войны, с которыми встречался на фронтовых дорогах в бытность мою военным корреспондентом.

К 50-летию Великого Октября я закончу повесть «Дорогу осилит идущий», первая часть которой уже опубликована. Отрывок из этой повести, кстати, печатался в «Литературной газете». Очень давно, еще до войны, на привале у пастушеского костра мне рассказали печальную историю села Орбели, затерянного в заоблачных высях горной Тушетии. Деревню, славившуюся искусными резчиками по дереву, связывала с миром узкая каменистая тропа, непроходимая восемь месяцев в году. Незадолго до первой мировой войны в деревне появился представитель иностранной концессии и сказал, что приехал строить дорогу. Орбельцы всей деревней дружно взялись помогать подрядчику. «Дорога принесет нам счастье», — говорили они. Но вскоре концессионеры объявили, что все окрестные леса куплены английской фирмой и никто из крестьян не имеет права рубить здесь деревья. Это обрекало местных резчиков на нищету и разорение. Неравная, не знающая пощады борьба между подрядчиком и орбельцами кончилась тем, что орбельцы покинули

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Александр ЯНОВ

В ЖУРНАЛЕ «Звезда» (№ 6 за 1966 год) опубликована умная и дельная статья В. Марамзина «Инженер об инженерах». В ней мягко, но с несокрушимой убедительностью опровергаются некоторые привычные стереотипы изображения заводской жизни. В частности оказывается, что роль сегодняшнего цехового инженера в некотором роде даже драматична, так как успех и оценка его работы зависят не столько от его творческих возможностей, сколько от иных, привходящих, не имеющих отношения к творчеству обстоятельств. Ну, скажем, таких, как «его личная напористость, его резвые ноги и, в конце концов, удобная обувь»... В результате цехи теряют самых одаренных инженеров. Возникает проблема «летунов». Одним словом, инженер, уходящий из цеха, попадает в разряд, говоря литературными терминами, отрицательных персонажей. Заметьте, что речь идет о лучших инженерах, которым надлежало бы стать «мозговым трестом» всего цехового прогресса. А они «летуны»...

Рационализация — передовое, плодотворное движение. Но, присмотревшись к делу, автор очерка обнаруживает, «какое огромное распыление мозговых сил происходит сейчас при помощи рационализации! Сотни аналогичных цехов на сотнях похожих заводов решают свои проблемы по-своему.» В результате, «сталкиваясь с принципиально новой техникой, человек, приученный рационализацией к необъятной кустарной самостоятельности, полагает себя ее судьей в куда большей степени, нежели позволяют его знания». Отсюда следует, что подобная рационализация при сегодняшнем уровне техники и кадров, как утверждает автор, — пережиток, а инженеры-рационализаторы, в поте лица «вносящие предложения», те, о ком автор говорит, что «в каждом цехе полцеха улучшено, доделано, перестроено их руками», — положительные они или отрицательные?

Исходя хотя бы из этих малых примеров реальных жизненных коллизий, я хочу спросить: стоило ли задуматься М. Златогорову, автору статьи «С точки зрения жизни» («Литературная газета», № 96), над действительной сложностью проблемы «литературного героя»? Вероятно, стоило. Ведь в жизни на самом деле все сложно. И кавалерийская простота в подходе к этой сложности вприпрыжку хуже воровства.

Приведу еще пример «из жизни». Парторг одного из богатейших на Северном Кавказе колхозов говорил мне, что если б вооружить ферму всеми известными сейчас средствами рационализации труда животноводов на уровне мировых стандартов, человек мог бы получать от 60 коров 360 тонн молока в год, работая один как перст.

Чтобы произвести то же количество молока даже в крепком хозяйстве, о котором идет речь, понадобится огромная МТФ на 170 коров, а при ферме будет десяток доярок, да две подсменных, да четыре скотника, да ездовой, да сторож, да учетчик, да заведующий. Человек двадцать, не меньше, будут вокруг этого молока заняты, прямо делать они будут черную, неприятную, тяжелую работу. Дорогое получится молоко.

Но оставим проблему себестоимости экономистам и подумаем, как должен выглядеть на такой ферме положительный герой. Может быть, как Галя Макарова из повести А. Кузнецова «У себя дома»? Она добьется, чтобы навоз был вычищен, полы вымыты, бидоны блестели, корма даже — неизвестно откуда — появились. Ну и что? Стал ли труд доярок менее нерациональным от этого? Менее дорогим? Менее тяжелым?..

Как, по-вашему, М. Златогоров, Галя Макарова — положительный герой? Судя по вашим рекомендациям, — бесспорно. В чем же, однако, ее положительность? В том, что она честна, прямодушна, энергична, не желает мириться с недостатками, иными словами, в том, что эмоции ее нормальны, естественны, что добродетели ее элементарны, короче говоря, в том, что она не отрицательный герой?

Почтительно говорю я об этих высоких человеческих достоинствах. Ими жива, на них стоит земля наша.

СПОР ИДЕТ

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Но не ими она движется.

И если есть объективное содержание у понятия «положительный герой», не в социальной ли, революционной активности, не в причастности ли к преобразованию мира оно и состоит? И от какой же тогда бедности можно возвести героя в ранг положительного за одно лишь отсутствие отрицательных черт в его характере? И как непохож сам этот дух «малых дел» на социалистический реализм, на его проникновение в глубь явлений, в «комплекс общественных причинных связей», как говорил Бертольт Брехт. Вспомните: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» (Маркс). Только!

Вернемся, однако, к конкретной коллизии. А как вы сами-то — вправе спросить меня читатель — мыслите себе положительного героя не вообще, а на той реальной ферме, куда попала реальная девушка с именем и фамилией Галя Макарова? Если оставить в стороне художественную «специфику» повести, герой начинался бы тут с осознания нерациональности самого способа ведения дела на ферме. Осознав это, он не мог бы не задаться вопросом: почему нерационально? Как можно эту нерациональность устранить? Что для этого надо сделать?

Понять все это нужно, ибо без такого понимания невозможно самоутверждение героя в мире именно как героя. Но мало понять, нужно, чтоб идея твоя «овладела массами» и стала, следовательно, материальной силой. Чтобы ты нашел свое место в коллективе, а коллектив — в борьбе за решение проблемы, за реальное изменение действительности.

Значит, речь идет не просто о рациональном мышлении героя, но о размахе этого мышления. Не просто о социальной активности его, но о масштабе этой активности. Осознав весь этот механизм в государственном масштабе, мобилизовав себя и коллектив, добиваясь решения этих проблем на всех уровнях, герой становится действительно борцом, государственным человеком, становится не на словах, а на деле хозяином общества, в котором живет. И практика его в этом случае действительно революционна. И комплекс общественных причинных связей есть для него поле деятельности, поле сражения, а не что-то такое, что «не нашего ума дело». Суть в том, приемлет ли герой мир таким, каков он есть, или жаждет переделать его. И притом не только в сфере вымытых полов, хоть и это очень важно, а во всем его техническом, культурном и социальном масштабе. Суть в том, знает ли герой, как его переделывать, есть ли у него ясная программа этой переделки, ставшая смыслом и содержанием его жизни. Одним словом, герой положителен не потому, что он не отрицателен, а потому, что он носитель позитивной социальной функции, в этом суть!

Какой гигантский университет познания жизни, интеллектуального и духовного роста героя видится здесь, какая школа демократии! Миллиарды клеток каждого индивидуального человеческого мозга подключаются к регулированию всей системы производственных и общественных отношений, мозг рабочего становится фактором производства, техническое и общественное творчество — законом жизни каждого члена общества. Разве не в этом тайна той высокой, далеко опережающей капиталистическую производительности труда, которую предполагает социализм? Разве не из этого исходил Ильич, говоря, что производительность

СОЛОВЕЦКИЕ МЕЧТАНИЯ

Юрий КАЗАКОВ

ВОТ наконец и двенадцатый час ночи, и сидим мы в монастырской келье на Соловках, свет сочится в два окна, одно из которых глядит на запад, на море, другое — на юг, вдоль стены. Прекрасна эта келья, которую уступил нам Саша, старший инструктор турбазы, дорого бы я дал, чтобы жить в ней, если б был монахом!

Всюду теперь тишина — и на море, и во дворе монастыря, и внутри «братских келий в 3-х этажах, а под ними внизу кладовые» — как обозначено это здание, в котором размещена турбаза, на старинном плане.

Угомонились пьяные, не торгуют пивом во дворе монастыря, закрылся магазин с водкой и выключили на ночь водопровод в уборной и умывальнике, чтобы какой-нибудь турист не вздумал, боже упаси, водицы ночью испить или что-нибудь там еще такое... Не положено. Отбой. Все спит на острове, все выключено, заперто, одна белая ночь не выключена — сияет. Розовое небо на северо-западе, мрачно-пурпурны тяжелые контуры дальних туч, вздымающихся за горизонтом, и серебристы и жемчужны высочайшие чешуйки легких облаков над головой.

Я было лег, потом разговорился с приятелем, опять встал, разогрел на плитке, пью крепкий чай. Ветерок, слабый вздох с моря вдруг войдет в окно и растечется по келье пряным запахом водорослей. Все прошло, все где-то далеко, одна ночь осталась и длится.

Нет, жалко заснуть, жалко пропускать такую ночь. Поглядев еще раз в окна, мы одеваемся и тихо выходим. Во дворе, в ночной свежести пахнет камнем, пылью, мусором... За воротами поворачиваем направо, идем сначала вдоль Святого озера, потом по поселку, потом лесом — к морю. В лесу сладко обдает нас мхом, торфом, хвоей, и в настое этом едва уловимо звучит теплый камень.

Море — как стекло. И клюквенная полоса на горизонте, и облака, и черные карбасы на якорях, и мокрые черные камни — все отражено в его зеркальности. Идет прилив. На песчаном дне между камней ручейки заполняют ямки, следы чаек. Отвлечешься чем-нибудь, потом глянешь на воду: камень, который только что высоко и черно торчал из воды, теперь почти скрылся, только мокрая лысинка розовеет, отражая небесный свет, и вода возле этой лысинки — булькает, булькает! Чмок, чмок!

Чайки невдалеке, как перестаявшие льдинки, бело-голубые, спят на воде, торчком подняв хвосты. Молча, быстро проносятся вдоль берега черные морские утки. Там и сям по заливу плавают бревна, занесло их сюда с Двины или с Онеги. Тюлень высунулся, увидел нас, скрылся, потом объявился возле бревна, положил на бревно ласты, высоко вытянул морду и долго разглядывал нас. Было так тихо, что доносился по воде шум его дыхания. Наглядевшись — чмыхнул, плеснул, спина колесом блеснула в округлом движении, и исчез... Мало теперь стало тюленей.

Я присел на теплый камень, закурил, огляделся, и так хорошо мне было, что не хотелось думать о завтрашнем дне. А ждал меня назавтра прекрасный и горчайший день — и я знал это! Прекрасный — потому, что я опять на Соловках, попал наконец снова, сподобился. А горчайший...

Впервые побывал я тут десять лет назад, в сентябре, пройдя перед этим пешком, проехав верхом и на разных карбасах и дорках довольно большой путь по летнему берегу — от Пертоминска до острова Жижгина. Одинок мне было тогда, потому что был я первый турист, первый писатель за много лет, и во всех деревнях встречали меня с подозрением и опаской.

А на Соловки я попал с Жижгина на шхуне, высадился на противоположной стороне острова и пока шел к Соловецкому кремлю, ни души не встретил на бесчисленных кругом озерах, на прекрасной дороге с полосатыми верстовыми столбами.

День был чудесный тогда, редкий теплый день осенью, а монастырь — разрушен, изъязвлен, ободран и потому — страшен. И долго в смятении, в горестном недоумении, в алости ходил я вокруг монастыря, а он мне выставлял в смирении обшарпанные стены церквей, дыры какие-то, обвалившуюся штукатурку, как после вражеского обстрела, как раны — это и были раны, но сделаны они были «сынами отечества», речь о которых будет впереди.

И на Соловках был я тоже первый турист, и опять мое любопытство казалось подозрительным.

Прошло десять лет, и Соловки «модными стали», как со смехом заявил мне в Архангельске редактор «Моряка Севера», хотя ни для моды, ни для смеха нет пока никаких оснований. Впрочем, о газетчиках речь будет тоже впереди.

Итак, горек мне был предстоящий день, и не хотелось думать о нем, как не хочется думать о предстоящих похоронах, потому что нужно мне было с утра начинать свои хождения по Святому острову, а я сегодня, хоть и мельком, но уже видел кое-что. Видел разорение.

«БЕРЕЖНОЕ отношение к памятникам и реликвиям, связанным с историей нашей Родины, уважение к ним стало славной традицией советских людей, показателем их подлинной культуры... В сокровищнице культурного наследия Архангельской области изумляют своим величием и красотой многие памятники архитектуры и истории. К ним относится Соловецкий монастырь, основанный в XV веке... За последние годы многое сделано и делается для того, чтобы навести должный порядок и обеспечить сохранность памятников культуры... Большое внимание уделяется организации консервационных и реставрационных работ, которые составляют основное звено в деле охраны памятников». Это из выступления В. А. Пузанова (Архангельский облисполком) на конференции «Памятники культуры русского Севера», состоявшейся в Архангельске в июле этого года.

А вот что говорится в решении Архангельского облисполкома, принятом после опубликования в «Известиях», № 147 за 1965 год, статьи В. Безуглого и В. Шмыгановского «Оазис у Полярного круга» — статьи, между прочим, довольно мягкой, увещевающей:

«Ремонтные и реставрационные работы в Соловецком кремле ведутся крайне медленно, а культовые, гражданские и производственно-хозяйственные сооружения, находящиеся на островах В. Соловецкий, В. Муксоломский, В. Заяцкий и Анзерский, разрушаются и никем не восстанавливаются.

Дороги ни на чьем балансе не состоят и никем не содержатся, за исключением небольшого участка, который немного поддерживается аграрным заводом.

Древние каналы, соединяющие большое количество озер, не расчищаются, за состоянием их никто не наблюдает, и мер к сохранению их не принимается.

Рыбные богатства озер Соловецкого архипелага не используются для обеспечения рыбой местного и прибывающего на о. Соловки населения. Сбор и переработка дикорастущих не организованы.

Туристская база на о. Соловки не удовлетворяет запросы туристов. Она рассчитана только на 100 человек и плохо оборудована. Плохо организовано питание туристов, отсутствует транспорт.

Управления и отделы облисполкома не проявляют должной инициативы и настойчивости в проведении ремонта и реставрации памятников архитектуры и гражданских построек архипелага Соловецких островов, приспособлении их для нужд народного хозяйства и отдыха трудящихся, не используют богатейшие возможности острова.

Исполком островного Совета депутатов трудящихся (тов. Таранов) мирится с запущенностью хозяйства острова Соловки, принизил требовательность к руководителям предприятий и организаций, находящихся на архипелаге Соловецких островов, за содержание переданных им зданий и сооружений».

Где же «бережное отношение», о котором говорил В. А. Пузанов? И где «славные традиции»? Соловецкий монастырь действительно изумляет, но не «величием и красотой», как уверяет Пузанов, а тем ужасающим состоянием, в которое он приведен. И ничего там не сделано «за последние годы», если не считать кровель двух башен. Возведены еще леса возле здания бывшего острога, но за три дня, проведенных мной на Соловках, рабочих на этих лесах я не видел.

По монастырю страшно ходить. Все лестницы и полы сгнили, штукатурка обвалилась, оставшаяся еле держится. Все иконостасы, фрески уничтожены, деревянные галереи сломаны. Купола почти на всех церквах разрушены, крыши текут, стекла в церквах выбиты, рамы высажены. Прекрасных и разнообразных часовен, которых много было возле и внутри монастыря, теперь нет.

Во дворе монастыря висят на деревянной перекладине два уцелевших монастырских колокола. Один из них весь избит пулями. Какой-то «сын отечества» забавлялся, стреляя по колоколу из винтовки, — наверное, звон был хорош!

Возле Спасо-Преображенского собора была гробница Ераамия Палицына — сподвижника Минина и Пожарского. Гробница разрушена. Но надгробный гранитный камень в виде саркофага уцелел. Вот надпись на нем:

«В смутное время междуцарствия, когда России угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явил беспримерный подвиг в жизни русского монашества как смиренный инок. Ты безмолвной стезей достиг предела жизни и сошел в могилу не увенчанный победными лаврами. Венец тебе на небесах, незабвенна память твоя в сердцах благодарных сынов отечества, тобой освобожденного с Мининым и Пожарским».

И тут же на граните выбита фамилия «сына отечества» — «Сидоренко В. П.» Не поленился этот сын, расписался, хоть и трудно, наверное, было железкой долбить — гранит ведь! И тут же рядом надпись помельче: «Белов» — этот поскромничал, инициалов не выбил.

Исписаны вообще все стены, пишут где только можно и даже там, где совершенно невозможно на первый взгляд. Но ухитряются все-таки, на плечи друг другу залезают.

Сколько скитов было на Соловках, сколько часовен, келий, гостиниц, бесед, мастерских, огородов и садов, — и все это теперь оказывается уничтоженным. Поневоле приходишь к мысли, что в этих разрушениях повинна чья-то злая воля, обрекшая прекрасный край на забвение. И силишься постигнуть, чем же руководствовались люди в своей ненависти к Соловецкому архипелагу, какая им была выгода, какая была выгода государству (на их взгляд) в столь целеустремленном, последовательном уничтожении архитектурных и исторических ценностей? И не можешь постигнуть... Этих людей еще можно было бы понять, если бы на Соловках — в ущерб памятникам архитектуры — развивалась бы промышленность, а то ведь и этого нет, и если бы не аграрный заводик, который перерабатывает сейчас водоросли, то я уж и не знаю, чем бы занималось тут местное население и вообще для чего тут надо было бы жить людям.

Целый год прошел после решения облисполкома о Соловках, и что же? Да ничего. Я видел у председателя островного Совета Таранова рабочий экземпляр этого решения. Почти против каждого пункта, предписывающего сделать то-то и то-то, у Таранова на полях приписки: «Нет», «Не доставлено», «Не сделано»... И не в решении дело, и не в годе, который прошел после решения. Потому что если бы хотели превратить Соловки в музей-заповедник, в гордость не только Архангельска, но и всей нашей страны, давно бы сделали это, не дожидаясь выступлений в центральной печати. Ведь двадцать лет прошло после войны! И не только ничего не восстановлено на Соловках, а еще больше разрушено — одни стены устояли, крепкие стены, взрывчаткой бы их рвать, а голыми руками разве возьмешь?

На Анзерский остров Таранов не хотел нас пускать.

— Там заповедник.

— Вот и прекрасно! — сказали мы. — Поедем, поглядим, поговорим с научными работниками — интересно!

деревню и ушли еще выше в горы. Ушли потому, что дорога привела врага, ложь и коварство.

Минуло много лет. И вот те самые орбельцы спустились с гор и строят дорогу, от которой когда-то бежали. Строят потому, что сегодня эта дорога приносит крестьянину радость и счастье, потому, что сегодня она привела учителя, врача, агронома, инженера...

Коротко мне хотелось бы сказать еще об одной своей работе — повести «Волшебный камень», которую я пишу уже много лет. В этой повести о современной грузинской деревне мне хотелось поднять морально-этические проблемы, связанные со становлением, формированием характера молодого нашего современника,

Ласло БАЛЛА:

МОИ «путешествия» сейчас весьма коротки — от квартиры до редакции и обратно. Дело в том, что год назад мне было поручено возглавить вновь организованный венгерский выпуск областной газеты «Закарпатская правда». Работать приходится много и напряженно. Но я не жалуюсь, ведь журналистика и писательское творчество — две стороны одного большого и ответственного дела.

В конце прошлого года вышла моя книга — украинский перевод повести «Облака без дождя», в которой я пытался выяснить давно волнующий меня вопрос: какие именно психологические моменты связывают верующего человека с религией и благодаря каким душевным процессам верующий становится неверующим. Скоро книга будет издана на русском языке в «Советском писателе».

Готовясь к 50-летию Великого Октября, я отдаю себе отчет в том, что, будучи советским писателем — венгром по происхождению, я имею некоторые особые обязанности, специфичные задачи. Ведь зарождение Советской власти, борьба за ее укрепление были началом той искренней дружбы, которая ныне прочно связывает венгерских и советских трудящихся. Кто не знает о славном участии в Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне венгерских интернационалистов? Кто не знает о той великой заботе, которую советский народ и лично Ленин проявляли в 1919 году о молодой Венгерской Советской Республике? Не менее интересно, на мой взгляд, раскрыть и ту роль, которую играли эмигрировавшие в те годы, после поражения Советской Венгрии, венгерские коммунисты в хозяйственном строительстве молодой Советской страны.

Вот почему с особым удовольствием, даже, сказал бы — пристрастием, я работаю над книгой новелл, рассказывающих о проявлениях советско-венгерской дружбы в разные исторические периоды, и в первую очередь в героические дни Октября. Разумеется, чтобы написать ее, пришлось «покорпеть» во многих архивах страны. Но теперь все уже позади... Эта книга под названием «Жар в снегу» должна выйти в издательстве «Карпаты» в следующем году.

БОЛЬШОЙ ПУТЬ

К 60-летию Сергея МАРКОВА

ОДНАЖДЫ спорили прозаик и поэт.

— Да один «Юконский ворон» ставит его в ряд лучших наших писателей, — утверждал известный прозаик.

— Ну что вы, разве можно сравнить «Юконского ворона» с «Золотой пчелой»? — горячился не менее известный поэт.

Речь шла о действительно отличных книгах Сергея Маркова — писателя и поэта, 60-летие которого мы отмечаем.

Сорок творческих лет... Признание литераторов, людей науки, непреходящая благодарность читателей.

Вот уже очерчен уверенной рукой удивительный «Земной круг» — работа в известном смысле итоговая. Недаром академик Д. И. Щербаков назвал «Земной круг» кладезем географических знаний о Сибири, Средней Азии и Дальнем Востоке, кладезем смелых и заманчивых научных предположений. «Только в конце чтения начинаешь понимать всю грандиозность собранного С. Н. Марковым материала». Читать эту книгу нелегко, если по уровню своих познаний о мире, об истории ты не подготовлен для восприятия всего этого изобилия фактов, имен, сведений. Огромнейшую информацию получает каждый, соприкоснувшийся с «Земным кругом». И главное — книга эта написана художником, мечтателем, поэтом.

Мысль исследователя активна: он не только заставляет нас думать, сопоставлять факты, соотносить явления, но и пропагандирует древние, уникальные труды по географии мира, борется за их издания и переиздания.

Не скупясь, открывает перед нами Сергей Марков сокровищницу своих необъятных знаний. И за каждой строкой — годы поисков и кропотливейшего труда. Ведь, например, чтоб сообщить читателю в двух строках о далеких предках А. Блока и Ф. Тютчева, надо было перерыть архивы, обдумать множество ситуаций, свести воедино массу кажущихся случайностей и сомнительных совпадений...

С. Марков создал книгу, поражающую воображение дающую богатую пищу уму. Написана она сдержанно, нет в ней претензий и приукрашиваний — ни фактических, ни стилистических. Между тем — какое богатство характеров и красок, какое буйство жизненных коллизий за спокойными строками! Сколько гнева, презрения и жалости испытываешь, читая про измену князей Суздальских, Семена и Василия. Четырем ордынским деспотам они служили, виновны в разорении Москвы, Нижнего Новгорода...

Лаконичны портреты, штриховые очерки быта неизменно красочны, психологичны, достоверны. Потому и волнует каждое умозаключение автора.

К 60-летию Сергея Маркова в Западно-Сибирском издательстве вышла в свет его книга «Стихотворения». Это самое полное собрание его поэтических работ.

Жизнь свою *попробуй сделать*
чудом,
Не на месяц, а на много лет.
Находи и сохраняй под спудом
Радость, неточающую свет.

Эти строки родились еще в 1928 году; они стали знаменем творчества С. Маркова. Умение постичь и раскрыть людям чудо связывает стихи его и прозу. Ощутимо это свойство и в ранней лирике акмолинского периода, юношески-бурного, романтичного и уже заявляющего о многообразии творческих интересов молодого поэта. Лучшие из акмолинских стихов («Лагорский казак», «Улица Арабов», «Земля», «Белый гусь», «Омск, 1919», «Пчела») красочны, крылаты, полны утверждения красоты и светлых начал жизни даже «в глухом смятенье и грозе».

«Сусанин»—одно из лучших исторических стихотворений С. Маркова — создан в первый год войны. В нем с высокой поэтичностью осмыслены пути России в лихие времена, истоки священного народного патриотизма:

И вздрогнул лес, и засветился
снег,
Протяжным звоном огласились
дали,
И завершился старинский век
Причастьем крови и туманной
стали.
Страна могуча, и народ велик,
И для народа лучшей нет награды,
Когда безвестный костромской
мужик
Бессмертен, как предания Эллады.

А «Слово об Евпатии Коловрате»!.. Отсюда, от живописных и очень достоверных картин древней Руси, от глубоких психологических проникновений в исторические характеры, — прямой путь к грандиозности «Земного круга». И светлыми вехами этого пути становятся послевоенные стихи Маркова — «Основатели Киева», «Предки», «Колос», «Земные корни», «Страна антилоп».

Большой плодотворный путь в литературе пройден Сергеем Марковым. Вышедшие сейчас новые его книги — яркое тому свидетельство.

И. ДЕНИСОВА

Сергей Марков. «Земной круг». Книга о землепроходцах и мореходах. Издательство «Советский писатель». М.

Сергей Марков. «Стихотворения». Западно-Сибирское книжное издательство. Новосибирск.

ЧЕЛОВЕК

Заметки социолога

труда в конечном счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя?

Смешно, разумеется, упрекать А. Кузнецова, что он не показал нам Галю Макарову такой. Так же как смешно было бы упрекать астронома, исследующего участок неба, за то, что он обнаружил на нем звезду десятого, а не первого класса. Но мы ведем речь о *направлении* исследования жизни, о том, чего, вернее, кого искать в ней, каков должен быть положительный герой литературы социалистического реализма. Вот в этом смысле как раз и можно упрекнуть А. Кузнецова: зачем *он изобразил героем именно* Галю Макарову, когда она заведомо не герой?

Мне кажется, что, если следовать рекомендациям М. Златогорова о том, каким должен быть положительный герой, — литература превратится в своего рода беллетризованные жития святых. Это тем более опасно, что есть уже укоренившиеся цепкие штампы такого псевдоромантического «житийного» плана. Вот, пожалуйста, пример. Штамп, так сказать, почвенно-географический, где герой, постепенно съедаемый комарами, самоотверженно: а) карабкается по непроходимым кручам, б) мерзнет в продуваемых ветрами палатках, в) строит дома в зоне вечной мерзлоты, г) выращивает кукурузу там, где она не растет, — и так далее до конца алфавита.

Но ведь карабкаясь, замерзая, строя и выращивая, герой может объективно делать и дурное, консервативное дело. Это вполне даже возможно: если мы вспомним хотя бы коллизии очерка В. Марамзина. Само по себе карабкание, так же как и жертвенность пасхального агнца, — отнюдь еще не свидетельство положительности героя. Это лишь форма его самоопределения в мире, и она не может заменить собою его содержание. Так же как любые бытовые неудобства вовсе не равнозначны действительной неустроенности мира, с которой призван бороться герой. Ибо предстоит ему самоопределиться в жизни, а не только в колхозе, на заводе или в поисковой партии. И если он жертвует собою, то не просто по зову души или начальства, а потому, что осознает социальную необходимость этой жертвы. Там, где человек не задается вопросом «почему?», не становится субъектом исторического творчества, — там мы еще ничего не можем сказать, положительный он или нет. Куда бы он ни карабкался.

И нам, наконец, быть тому огромному, подавляющему большинству членов общества, которых комары не едят и которые никуда не карабкаются, а, наоборот, ходят каждый день на службу и смотрят телевизор в заурядной городской квартире? Неужели они уже поэтому негерои?

Все штампы вредны. Но особенно те, посредством которых можно удобно избежать действительной сложности жизненных противоречий, прикрываясь псевдоромантическими «обстоятельствами» в духе рекомендаций М. Златогорова. Ибо означают они, по сути, попытку увести литературу со стези подлинного исследования жизни, отвратить ее от поисков настоящего положительного героя.

МЫ ВСТУПАЕМ в эпоху большой экономической реформы. Касаясь коренных основ производства, она не может не затронуть и все сферы социальной жизни, относящиеся к главной производительной силе — трудящемуся. Личность трудящегося становится средоточием всех проблем. От нее зависит как нравственная подготовленность общества к прогрессу, так и экономическая эффективность его производства.

М. Златогоров, мне кажется, ничего не понял в позиции критиков Ю. Кузьменко и Ф. Левина, когда яростно атакует их наивным аргументом: «Разве когда писался «Цемент», в нашей промышленности все было идеально организовано, не существовало никаких сложностей и трудностей?» Да при чем тут трудности? О них ли речь? Речь о том, какие требования предъявляет тот или иной этап общественного развития к личности трудящегося.

Самой яркой и сильной фигурой, настоящим положительным героем довоенной литературы представляется мне крымовский Басов, человек в своем роде подлинно блестящий. Где бы ни был он, на заводе или на корабле, он, как локатор, улавливает нерациональность, будь она в человеческих отношениях, или в организации труда, или в конструкции машины. И эта чуткость, составляющая его живую душу, равносильна безошибочному ощущению несправедливости, ибо что же иное эта нерациональность, как не лишняя тяжесть, неприятность труда, лишенного творческого содержания, угнетающего личность, вместо того чтобы «развертывать» ее, как пружину.

Но этого мало, герой учится и научается тому, как нерациональность-несправедливость устранять, как поднять на это людей. И происходит чудо, может быть, самое великое чудо на земле: из неоформленного эгоистического сброда, босяков, люмпенов выкристаллизовывается единый общественный организм, объединенный общей борьбой и общей целью, — то, что мы именуем словом «коллектив». И не герой вовсе «чудотворец», — чудотворно искусство революционной практики.

Я думаю о современной литературе... Кто наиболее близок Басову сегодня? Не говоря, разумеется, об эстетической стороне дела, — герои романа «Иду на грозу», Пастухов из «Разоренного рубля»...

Гранинские герои, люди науки, конечно, тоньше, интеллектуальней механика Басова; улавливать нерациональности в своем деле, можно сказать, их профессия. Но нельзя не видеть, что и у них эта чуткость более стихийна, чем сознательна. В самом деле, какой-нибудь ретроград-академик Денисов возникает на их пути как некое данное, как бессмысленное препятствие, которое Тулин намерен обойти, а Крылов — прошибить лбом. Но каковы ее общественные функции, этой горы? На каком уровне она возникла и на каком может быть взорвана? Эти вопросы для них не существуют. Они приемлют гору во всем торжестве ее бессмысленности.

И в другом Крылов и Тулин слабее Басова: содержание их поиска — лишь реализация себя как творческой личности, они мечутся и ищут в себе и для себя, — тем самым, разумеется, и для коллектива, но коллектив-то здесь — лишь фон этого мятежа. Не в силах они объединить его и поднять на творческий подвиг.

Виталий Пастухов родствен и Басову, и гранинским героям. Это тоже мятущаяся душа, жаждущая устроить хоть маленькую техническую революцию, хоть в одном колхозе. Тоже чувствующая каждым нервом нерациональность хозяйствования. Тоже, как грудью на пулемет, бросающаяся на бастионы консерватизма. С. Антонов, на мой взгляд, сумел поставить в повести проблему социального характера, проблему, связанную со степенью подготовленности данного микрообщества к прогрессу. Консервативные люди, возглавляемые председателем Иваном Степановичем, сломили Пастухова, милого, доброго, неуклюжего «раскладушку», словно дух из детского шарика выпустили. Да ведь Пастухов же мальчишка, неоперившийся еще цыпленок. Невелик труд сломить его, и не его, по сути, сломили эти люди, а свое собственное будущее, свое завтра. В этом — подлинный драматизм повести. Обратите внимание, что желтый цыпленок этот — лишь начало, пунктир, наметка характера героя — хватается все же не за мытье полов, не за выращивание флоксов, а за самую сердцевину дела, за то, что действительно революционизирует его: за производительность труда. Он улавливает нерациональность в самой *основе* производства. И опять ничего не понял здесь М. Златогоров, заметив в Пастухове лишь «инфантилизм и нелепые выходки», то есть мальчишеские слабости его, а не силу.

И все же Пастухов не идет в сравнение с Басовым: он как бы лишь частичка Басова, его начало, лишь его вечная неудовлетворенность и мятущийся дух. Без басовского жизненного опыта, без мощи его характера и умения сплотить людей.

Но одно уж то, что в нашей литературе занимают все большее место герои, подобные Крылову или Пастухову, что через десятилетия подают они руку Басову, говорит о том, что она, литература, — на правильном пути. И от укрепления ее исследовательской службы, происходящего на основе плодотворных реформ во всех сферах жизни нашего общества, надо ждать богатых и зрелых плодов.

ЭПИГРАММЫ

«У СТАИ НЕРЕШЕННЫХ ЧИСЕЛ...»

У стаи нерешенных чисел
Стоит скрипичный интеграл.
Как будто кто-то камнем высек.
Мелодии не дождал...

Так пишет Аркадий Слуцкий в стихотворении, опубликованном журналом «Подъем» (№ 2, 1966). Мудрено, не правда ли? А дальше следуют такие хитросплетения, в которых докопаться до смысла еще труднее. Поэт замечает, что порою люди в своей ежедневной озабоченности проходят «мимо предначертаний и стихов... и вечереющих холмов, и мимо наших размышлений...», но, боже мой, какие смысловые нагромождения сопутствуют этой простой мысли! Человек у А. Слуцкого «кружится» в «чахоточном крутом дыму» (?!), «от страха и людям привязаться» уходит, «не пожав руки, с ухмылкой старого паяца». Случайная «атрибутика» стихотворения, и недаром у поэта «все осталось нерешенным»...

Стихотворение, о котором мы говорим, помещено в подборке «Перекличка молодости». Журнал знакомит здесь читателя с девятью авторами. Внимание к молодым, разумеется, похвально, однако нельзя забывать и о том, что, предоставляя им трибуну, редакция берет на себя ответственность и перед читателями, и перед авторами: ведь публикация — уже признание... На этот раз в перекличке молодых звучат и фальшивые дисканты, и срывающиеся басы.

Вот стихи Виктора Буданова. Пожилую стрелочницу, вдову, потерявшую на войне мужа и сына, поэт считает тактичным спросить: «Не одиноко ль?..» Стрелочница — очевидно, по воспитанности своей — не отвечает поэту так, как он того в данном случае заслуживает. Что же до стилистики стихотворения, то у В. Буданова «ветры шпарят в шпалы опостылые», «года мелькают, словно пятницы» (?!), а поезда уходят «в дальние мосты»...

Другой автор — Геннадий Ямущенко — решил доказать в стихах, что умеет ценить крепкое словцо. Лопата. Грязь. Проста работа.
До матерщины изнурительна, — говорит поэт в одном стихотворении. А в другом вновь обращается к полюбившемуся образу, почему-то опять сдабривая им обращение к теме труда:

Хвалили меня
мастера
матерщинной.
В конце стихотворения автор объявляет:
...Горд я тем,
что окалину
с себя самого
зубилом срубил!

На наш взгляд, это несколько преждевременное утверждение...

Но лучше представлен в подборке и А. Голубев. Вот, например, такими, мягко говоря, беспомощными строками, убогой частушечной говорит он о Вешенской, о Тихом Доне, о героях любимой книги:

Здравствуй, чаечка белокрылая!
Здравствуй, в майском цветенье
Дон.
Шлю я вам, вспомнив все,
что было,
Свой глубокий земной поклон.

Молодых надо любить. Молодым надо помогать. Однако не следует поощрять плохие стихи, печатая их даже под рубрикой «Перекличка молодости». Вот ведь напечатаны же в «Подъеме» добротные, свежие по мысли стихи молодых поэтов А. Прасолова и О. Шевченко. Почему же редакции вдруг изменяет вкус?

Н. ПОДЗОРОВА

Андрей Лупан. «День на вершинах». Из новой книги стихов. Переводы с молдавского. Журнал «Дружба народов», № 6, 1966.

БУДЬТЕ ВЕЧНЫ, ИСКАНЬЯ...

РЕДКИ наши встречи с Андреем Лупаном. Поэт не принадлежит к тем балованным поэтам, кому даровано укреплять популярность частым напоминанием читателю о себе. Нетороплива его муза: она степенна и рассудительна, по духу же — крута и независима, как знающая свою цену труженица, умеющая придержать язык, пока не придет к суждениям взвешенным и самостоятельным, и уже тогда только выскажет их, как свою веру.

О *воображаемом* молчанье, что «открытость речи порождает вдруг», об обманчивой немоте, когда мысли копятся, как грома, «молчаньем натянутые, как пружины», чтобы вдруг распрямиться и «над выбью инерции» изменить «привычных понятий круг», и о других особенностях своего творческого дара Андрей Лупан, в частности, пишет в новых стихах, создавая автопортрет столь реалистически верный, что к нему трудно что-либо прибавить.

В четырнадцати стихотворениях из новой книги «День на вершинах» отразилась, по сути, стройная, целостная система воззрений, уложенная в прочно сработанные, грубоватой красоты строфы. Система воззрений поэта на творчество, человеческую природу и мораль.

Проблемы, которые ставит Андрей Лупан, — это проблемы, волнующие всю современную большую поэзию, смело взявшую на себя задачу философского осмысления мира, задачу, прежде решавшуюся порознь философами, социологами, моралистами. И причина этого, может быть, не столько в оскудении талантами этих сфер научного исследования, сколько в требовании времени — познать человека в единстве его натуры, духовных и нравственных возможностей и потребностей в эпоху открывшихся социально-исторических и космических далей.

Общезначимые проблемы в стихах Андрея Лупана приобретают индивидуальную окраску, характерная черта его поэзии — земная прикрепленность. Понятия приземленности и высоких парений духа для нее не противоположны, а нерасторжимы. Ее питают корни земледельческого быта, она узловата, как виноградная лоза, прочно вросшая в опаленную солнцем почву Молдавии. Она сохранила в себе крестьянскую основательность, конкретность мышления человека, для которого земля равно кормилица и источник поэтического вдохновения. Это сказывается и на метафорической плоти стихов Андрея Лупана. Образы земледельческого труда как основы человеческого бытия, счастья, самых дерзких свершений служат поэту для раскрытия смысла, цели и назначения человеческих деяний, в том числе и творческой мысли. Он и о «своей ноше» поэта скажет:

...это помесь зерен ржи и
пшеницы,
которую издавна сеяли мужики.
И я засеваю ею мои страницы
от первой моей до последней моей
строки.
(Перевел Ю. ЛЕВИТАНСКИЙ)

Человек для Андрея Лупана — не межзвездный скиталец, не индивидуум, торжествующий во взлетах духа над несовершенством плоти, — это как раз обыкновенный человек, но тем он и удивителен. Чувствуется в его стихах упрямая полемика с патетическими — пафосными гимнами человеку, желанием воспеть его как солнцеподобного гиганта. Он не только не сравнит голову человека с подобием солнечного шара, напротив, вызывающе назовет ее, как принято в просторечии, башкою,

Что если эта вот башка
неповторима в целом снеге
и лишь одна за все в ответе,
что не распутано пока?

И все открытья на планете
от Прометея и до нас
возникли под затылком этим,
который чешешь в трудный час?

...Протуберанцы расщеплений,
стерилизованный хаос...
Лишь твой людской нормальный
гений
во все и вся сует свой нос...

Сроднил ты с глубью, высотою
башку единственную ту,
так отвечай-ка головою
за честь ее и чистоту!
(Перевел К. КОВАЛЬДЖИ)

И не зря его заключительное стихотворение цикла, насыщенное грубоватой лексикой, названо «Эврика» — словом-возгласом: в будничном обличье реального землянина открывается поэту человеческий гений. Последние строки стиха, неожиданные, как молния, выявляют прямую связь размышлений поэта о человеческой природе и обязанностях человека на земле. Моральным благородством пропитан, кстати сказать, весь этот превосходный цикл, куда входят такие стихи о муках творчества, как «Оправданье», «Старый поэт», «Гримаса», о труде — «Рождение Подгорья», «Кружка», о добре и зле, природе, любви...

Душа современника рано нуждается и в торжественных гимнах человеку, восславляющих мощь его разума, и в таком вот сердечном пристрастии к его «обыкновенности», которая по-своему и очень серьезно оборачивается нравственным возвышением человека.

На русский язык стихи Андрея Лупана перевели поэты Д. Самойлов, Ю. Левитанский, К. Ковальджи, А. Передреев. Но переводам присущ общий образный колорит, в них сохранен самобытный темперамент молдавского поэта, чей облик не двоится в восприятии, как это часто бывает в разномастных переводах. И можно порадоваться этому творческому содружеству, которое сделало возможным для русского читателя новую встречу с Андреем Лупаном. Ибо хотя и редки эти встречи, но каждая из них, как бодрящий глоток из той кружки, что «сделана толково» и которой умелец, не украшая золотом, просто передал свой «нрав прямой, характер честный» и любовь к земле, рождающую поэзию:

Я строю, рушу вновь,
опять воображеньем
воссоздаю в тебе
неведомых существ.
Ты узнаешь ли их,
ты узнаешь ли время
в созданьях этих,
чей человек жест?

С волненьем я ищу ее,
твою поэму,
где воплотился первый мой
инстаз.
Терпи меня, земля, пока,
нащупав тему,
я не свожу с тебя
завороженных глаз.
(Перевел Д. САМОЙЛОВ)

А. МАКАРОВ

Таранов смутился несколько. Оказалось, никакого народа там нет, и заповедника нет, и ничего вообще нет, просто остров — и все.

— Пропуск я вам выдам, — сказал наконец Таранов. — Только в тетрадь вас запишу.

Записал. Потом попросил, чтобы я перечислил ему все мои книги. И книги записал. А на следующий день поехали мы в Реболду — оттуда ходили на Анзер карбасы.

Через пролив карбас идет примерно минут сорок. Потом пустынный берег, сарай, карбас поворачивает назад, и мы остаемся одни. На сарае следы туристского осторожия: «Hotel Белая Лошадь». От сарая — еле заметная дорога во мху, наверх, в лес.

Мы одни на Анзере! Не то чтобы тут вообще никого не бывало — колхозники приезжают с Летнего берега на сенокос, московские студенты проходят здесь практику, забираются и туристы, конечно, без всяких пропусков... Но теперь, в этот час, мы тут одни, и не поймешь, радостно или грустно от этого на душе.

Два километра шли мы лесом, болотами, и хоть говорили нам, что на острове полно оленей, зайцев, всякой дичи, — никто нам так и не попался, и назад шли, тоже ничего не видели и не слышали. Все на том острове молчало.

Дорога все вверх и вверх. Впереди расступятся немного деревья, ждешь с волнением, вот-вот увидишь нечто, какой-то таинственный скит. Нет, опять смыкаются кроны над головой, опять глухие озера по сторонам, опять шагаешь по болоту, потом снова дорога, по бокам местами грядки валунов — хорошая была когда-то дорога. И сердце уже как-то щемит, прибавляем шагу, — что же это, одиночество ли нас гнетет? — так хочется скорее дойти до жилья.

Но вот опять расступаются деревья, на этот раз по-настоящему, большой луг открылся, пологий длинный скат вниз, слева показался морской залив, темное озеро направо, а на перешейке — белейшее здание двухэтажных келий с двумя колокольнями церквей! Потом глаз жадно нашел еще несколько деревянных домов по сторонам, и все это лежало на дне долины, в голубизне светло-пасмурного денечка, на берегу глухого залива в высоких берегах, поросших острыми зубчиками елок. Скит звучал — отдаленно и матово — своей розоватой белизной, сизостью деревянных домов, красной железной крышей на всем темно-зеленом.

Постояв, стали мы спускаться к этому чуду, стали подходить все ближе, ближе и наконец пришли, и стало нам жутко.

Бурьян, иван-чай, какие-то зонтичные травы — все это было нам по плечи, дома стояли без стекол, с черными глазницами, кельи вблизи сочились красной кирпичной кровью (вот откуда эта розоватость-то издали!), церкви разбиты, исковерканы, на одной колокольне вместо купола сторожевая вышка с перильцами, окна на втором этаже келий в толстых решетках. Полы внутри келий были проломлены, лестницы на второй этаж обрушены, в церковь мы так и не вошли — побоялись.

Все было, как после войны, как после нашествия марсиан, — мертво, пусто, ни души кругом, одни мерзостные следы запустения и какого-то извращенного разрушительства. Как и на Соловках, тут везде надписи, отбита штукатурка, ободраны обои, разломаны подоконники (это в деревянных домах, которых вокруг каменных келий и церквей несколько). Всюду следы неряшливого краткого пребывания людей.

По дороге в скит мы еще разговаривали, а тут и говорить уже не могли, и быть нам тут долго не хотелось, — с такой болью, с такой беспомощностью глядели на нас со всех сторон умирающие дома.

Сколько столетий теплилась тут жизнь, ежевечерне плавал над морем и озерами колокольный звон, сколько зим пережил этот скит, вознося струйки дыма к небу, сколько весен и белых ночей! И вот теперь конец и смерть? Кому же понадобилась эта смерть, кому от нее стало легче жить, какой областной деятель выполнил свой областной долг, подписывая бумагу, обрекавшую все, что тут было сотворено людскими трудами!?

Бродя между домами, увязая в бурьяне, мы вдруг заметили довольно свежую надпись на фанере: «Заказник. Охота, рыбная ловля, сбор ягод и грибов запрещается!» Вот, значит, как — уничтожать историю разрешается, а ягоды и грибы собирать запрещается. Пусть, пусть успокоятся те, кто придумал тут заказник, и те, кто надписи писал, — ничего тут не собирают. Некому.

Когда мы уходили, поднялись по лугу и остановились, оглянулись, прежде чем войти в лес и прежде чем навсегда скроется от нас скит, — опять он звучал, тосковал внизу, такой далекий в тишине и пустыне, и опять издали был чуден, как розовая жемчужина между плоскостями зеркальных вод, в густой зелени леса.

ПРАВ был редактор «Моряка Севера»: Соловки теперь у газетчиков в моде. Только ничего хорошего от такой моды Соловкам не будет. Чуть не в каждом журнале, в десятках газет появляются фотоэтюды и короткие репортажи о Соловках. Репортажи, как правило, состоят из дежурных фраз о красоте белых ночей и тому подобном. Выпускаются буклеты и открытки, на которых кремль снят только снаружи и обязательно издали, через Святое озеро, потому что вблизи снимать неинтересно. И во всех корреспонденциях, за редким исключением, ничего не сказано о творящихся на Соловках безобразиях.

В. Лапин, руководитель Архангельской специальной научно реставрационной мастерской, тот самый В. Лапин, который заявил на конференции, что мастерская «не имеет возможности вести научно-исследовательские работы» (интересно, что это за научно-исследовательская мастерская, которая не может вести научные работы?), в спешном порядке настрочил путеводитель по Соловкам, где есть и «седые легенды», и «яркие события», и опять-таки ни слова, ни звука не сказано о состоянии Соловков. Кому нужен этот обман?

Тысячи обманутых людей со всех концов страны едут на Соловки — и что же там находят? Прекрасную природу, прекрасные развалины и турбазу, на которой могут остановиться только 150—200 человек. Завтраки, обеды и ужины растягиваются на долгие часы, потому что на острове всего одна столовая. И один магазин, а в магазине — никаких продуктов (на острове нет холодильника), кроме консервов и водки. В море и на озерах великое множество рыбы — от семги до знаменитой соловецкой селедки, а местные жители счастливы, если достанут соленой трески, которую выловили на противоположном конце земли, у Ньюфаундленда, пять лет назад!

Мне попадались бодрые статейки о Соловках, где председатель островного Совета тов. Таранов именуется энтузиастом Соловков. Я смело утверждаю, что Таранов никакой не энтузиаст и весьма плохой хозяин. Потому что никаких улучшений на Соловках за десять лет не произошло.

Смешно было бы, конечно, возлагать на Таранова ответственность за восстановление Соловков. Средства не те, возможности не те. Но сберечь хотя бы то, что оставалось, можно было. Можно было завести хотя бы небольшой штат сторожей, поручив им охрану наиболее ценных архитектурных памятников. Можно было бы хоть поставить верстовые столбы на дорогах и подремонтировать самые дороги, протяженность которых, кстати, не слишком уж и велика. Можно было, имея в виду все увеличивающийся поток туристов, открыть на острове два-три летних кафе. Можно было открыть несколько гостиниц в бывших кельях, разбросанных по всему острову. Настлать новые полы, вставить стекла в окна, отремонтировать крыши, — не так уж много для этого нужно средств. Можно было организовать хоть одну-единственную рыбацкую артель, чтобы снабжать остров свежей рыбой. Да мало ли что можно было сделать за все эти годы хотя бы по мелочам... И ничего не сделано!

Необходимо вспомнить, что на Соловках были когда-то не только церкви, часовни и кельи, — на Соловках было многоотраслевое, весьма доходное хозяйство. У монахов были огороды и сады, молочнотоварное производство, кузницы, кожевенные мастерские, рыболовецкие и зверобойные артели. Были столярно-малярные мастерские, гончарный завод, лесопильный завод и гидроэлектростанция, судоремонтный док, салотопки, биологическая, зоологическая и метеорологическая станции, прекрасный транспорт, множество гостиниц и магазинов. Интереснейшие селекционные работы велись монастырем в ботаническом саду. Монастырь имел, наконец, уникальные по ценности библиотеку и собрание старинной русской живописи. Да, монастырь был не только общежитием иноков и местом паломничества, — он был, можно сказать, своеобразным культурным центром Севера.

Зачем же было мстить камням и стенам, зачем было исключать богатейший, хозяйственно развитой край из экономики области и страны? Неужели за то только, что стены эти выложены монахами? А монахами ли только они выложены? Нет, в этих стенах труд сотен тысяч поморов, приезжавших на разные сроки — «по обещанию» — на протяжении сотен лет...

Соловки нужно спасать! Потому что советскому человеку нужна история. Нам просто необходимо иметь постоянно перед глазами деяния наших предков, далеких и близких, потому что без гордости за своих отцов народ не может строить новую жизнь. Сыны отечества — это великий титул, и нам нужно всегда помнить об этом!

Перед отъездом я опять бродил вокруг монастыря, и мне думалось, что настанет когда-нибудь золотой век и для Соловков. Что Соловки восстановят во всей их первозданной красе. Что в обширных помещениях монастыря вновь заблистают фрески. Что из Казани, из Москвы и Ленинграда вернут монастырю-музею хоть часть его библиотеки. Что станут вновь работать био- и метеостанции, что дороги тут исправят, что в многочисленных пустых теперь кельях откроются пансионаты, гостиницы, рестораны, что будут на острове такси и автобусы, что забелеют в лугах фермы и много станет своего молока и масла, что освободят занятые сейчас причалы возле монастыря и корабли из Архангельска и Кеми будут входить прямо в гавань Благополучия, а не отставаться целыми днями на рейде, что электричество проведут всюду, где только будет жилье, что между всему островами архипелага будут курсировать катера, что будут здесь и заповедники, и подводная научная станция по примеру Кусто...

В общем это были довольно скромные мечты, но и от них мне было как-то горячо на душе, потому что неотступно были передо мной ободранные исторические стены.

Маленькие рецензии

НОВЕЛЛЫ БИРСА

Теперь американские антологии не обходятся без рассказов Амброза Бирса (1842—1914?): он признан одним из создателей и мастеров американской новеллы. Хемингуэй советовал читать этого новеллиста начинающим писателям. Современники Бирса, однако, почти не знали его как писателя, хотя и именовали всемогущим господином Бирсом, в шутку расшифровывая таким образом монограмму подписи под его газетными статьями.

Ветеран гражданской войны между Севером и Югом, удостоенный ежемесячной пенсии... в 12 долларов, Бирс был яркой личностью. Но книги его обратили на себя внимание только через 7 — 10 лет после смерти их творца. Погиб он в гражданской войне в Мексике: на войну попал в возрасте семидесяти одного года военным корреспондентом американской прессы. Как и в какой день Бирс умер, точно неизвестно.

В книгу Бирса, только что вышедшую из печати под названием «Словарь сатаны», вошли лучшие новеллы писателя из его сборников «В гуще жизни», «Может ли это быть?», «Незначительные рассказы», «Фантастические басни» и афоризмы «Словаря сатаны». В них он казнит мещанское самодовольство американского обывателя, беспощадно обличает уродливый буржуазный мир.

Евг. Ф.

Бирс А. «Словарь сатаны». Переводы с английского. М., «Художественная литература», 1966, 287 стр., 50 000 экз., 58 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 108 13 сентября 1966 г. 3 стр.

ЛГ ПЕРИСКОП

Преступная война, ведущаяся во Вьетнаме Соединенными Штатами, вызывает гневный протест всех свободолюбивых народов. Но особенно обеспокоены американской агрессией страны юго-восточной Азии. Ведь, как пишет индийский еженедельник «Нью-эйдж», «Индия и другие народы этой части света стали бы, без сомнения, следующей жертвой американских агрессоров, если бы США удалось заковать в мандалы Вьетнам». И народ Индии в полный голос заявляет о своей солидарности с борющимся Вьетнамом. На верхнем фото — демонстрация протеста у здания посольства США в Нью-Дели.

Политика США терпит поражение не только в далекой Азии, но и в Европе. Рушатся надежды США на создание в сердце Европы крепкого агрессивного блока. На среднем снимке — группа американских солдат, покидающих по требованию французского правительства военную базу НАТО в Шатору. Французский народ метко окрестил это событие «прощанием без слез».

Стремясь любой ценой заполучить атомное вооружение, военное министерство ФРГ закупило в Америке огромную партию военных самолетов «Старфайтеров», которые могут транспортировать ядерное оружие. И вот эти-то самолеты, прозванные «летающими гробами», разбиваются один за другим, унося с собой человеческие жизни. На нижнем снимке — похороны одного из западногерманских летчиков — очередной жертвы «Старфайтера».

Фото из журналов «НБИ» (ГДР) и «Штерн» (ФРГ).

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Еще Филипп II испанский и Людовик XIV претендовали на господство в Европе. Особенно далеко зашел в установлении «европейского мира» подобным образом император Наполеон, пока его «миролюбивые» начинания не кончились крахом. С конца прошлого века начинает вырисовываться фигура нового «миротворца» этой же школы — кайзера Вильгельма II, поклонника идеи «Пакс Германика». Первую мировую войну германские милитаристы развязали именно с этой целью. Вот что писал в то время один английский специалист по внешней политике: «Под немецким господством может существовать богатая и почти мирная Европа, но этот мир будет... железным миром, и богатства будут производиться для немецких хозяев массами людей, не пользующихся свободой и почти не имеющих национальной принадлежности».

Поборником «европейского мира» в том же духе был, разумеется, и Гитлер с его идеей «нового порядка» в Европе, идеей, которая в комментариях не нуждается.

Важно подчеркнуть, что некоторые державы добивались гегемонии в Европе и невоенными средствами. Такие поползновения были в прошлом у Англии, пытавшейся стать верховным арбитром европейских дел. Но в несравненно большей степени преуспели в этом Соединенные Штаты Америки, которые, воспользовавшись резким ослаблением Западной Европы в результате второй мировой войны, установили здесь действительно реальную гегемонию. Сейчас она безвозвратно исчезает, что уже ясно всем, кроме лидеров США.

Итак, мы видим, что «простейшая» концепция европейского мира представляет собой просто-напросто либо завоевание, либо закабаление Европы. Нереальность ее доказана историческим опытом, свидетельствующим, что никогда ни одной державе не удавалось господствовать длительное время над группой высокоразвитых стран. Подобно тому, как у каждого человека тщеславия ровно столько, сколько у него не хватает ума, так и степень авантюризма внешнеполитических устремлений отдельных держав обычно соответствует недостатку реальных возможностей.

Весьма древней концепцией безопасности является также и теория «естественных границ», выдвинутая еще в XVII веке. Согласно ей для обеспечения безопасности государства необходимо, чтобы его границы проходили на линии естественных природных рубежей—по рекам, горным хребтам, морскому побережью и т. п. Действуя под прикрытием этой теории, еще Людовик XIV и Фридрих II захватили немало земель... Пангерманисты в XIX веке обосновывали свои экспансионистские устремления именно теорией «естественных границ», необходимых якобы для безопасности Германии. Всю двусмысленность и опасность этой теории раскрыл еще Карл Маркс. Он писал: «Если бы национальные границы определялись военными интересами, то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых примыкающих к ней областей; ...и тут, следовательно, был бы уже зародыш новых войн».

Но теория «естественных границ» продолжала жить. Ее вытащили при разработке Версальского договора, она фигурировала некоторое время и после второй мировой войны в связи с франко-германской границей, хотя опыт этой войны, когда были форсированы все природные преграды и реки Европы, кроме Волги, показал, что «естественные границы» не могут обеспечить безопасность. Уроки истории говорят, что любые территориальные притязания и стремления к изменению границ ведут лишь к новым конфликтам и войнам.

Среди различных концепций обеспечения европейского мира важное место занимает теория «равновесия сил», которая появилась в XVII веке и нашла особенно широкое практическое воплощение в XIX веке. Французский профессор Дебидур в своей известной книге «Дипломатическая история Европы» так определяет смысл этой теории: «То, что называется европейским равновесием, есть такое состояние моральных и материальных сил, которое на всем пространстве от Уральских гор до Атлантического океана и от Ледовитого океана до Средиземного моря так или иначе обеспечивает уважение к существующим договорам, к установленному ими территориальному размежеванию и к санкционированным ими политическим правам. Это такой порядок, при котором все государства сдерживают друг друга, чтобы ни одно из них не могло силой навязать другим свою гегемонию или подчинить их своему господству».

Хотя теория «равновесия» еще в XVII — XVIII веках служила для оправдания захватнических войн, она все же как будто не заслуживает столь односторонне негативной оценки, как две предыдущие концепции «безопасности». Теоретически равновесие действительно может служить сдерживающим фактором. Но практически все это выглядело иначе, поскольку не было какого-либо точного инструмента, который регулировал бы равновесие мирным способом. Правда, в прошлом веке возникает так называемый «европейский концерт» — система постоянных взаимных консультаций и согласованных выступлений великих держав. Однако этот «концерт» чаще всего звучал фальшиво. Противоречия и конфликты разделяли его участников, каждый из которых ревниво стремился не допустить усиления партнера, а сам напрягал все силы для создания преобладающей мощи. «Концерт» стал формой ожесточенного соперничества.

Появляется сложная система договоров между участниками «европейского концерта», с помощью которых каждый пытался изменить «равновесие» в свою пользу. Особенно изощрялся в этом «железный канцлер» Германии Бисмарк, добивавшийся таким путем серьезного укрепления позиций молодого, но уже хищного объединенного германского государства. «Я правлю Европой, — хвастал Бисмарк, — как кучер лошадьми». Именно рост военного могущества Германии и ее наглый экспансионизм, откровенное стремление к господству в Европе привели к резкому нарушению «европейского равновесия». А кое-кто наивно надеялся, что объединение Германии послужит делу укрепления мира, поскольку отпадет возможность игры других держав на противоречиях между множеством мелких германских государств! Оказалось, что это сам Бисмарк играет на противоречиях. Словом, как писал Монтень, «когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!»

Перед лицом новой Германии другие державы тоже развернули безудержную гонку вооружений, — чтобы не нарушилось «равновесие», естественно. Теперь в Европе установилась система «вооруженного мира», при которой каждое мероприятие по укреплению мощи одной страны вызывало немедленные ответные меры других стран, стремившихся не отстать от соседа. При этом дипломаты уверяли свои народы, что именно благодаря этому поддерживается мир, поскольку военное соперничество сдерживает агрессора в рамках «вооруженного мира».

Таким образом, в конце прошлого века начинается чудовищная гонка, напоминающая бег к пропасти ослепленных людей. Чтобы одним ударом закрепить перевес на своей стороне, Германия, которая устами одного из своих канцлеров заявила, что ей надоело довольствоваться голубым небом и предоставлять другим странам делить земли и воды, создает в 1882 году тройственный союз с Австро-Венгрией и Италией. Естественно, что механизм «равновесия» и «вооруженного мира» побудил другие державы — Францию, Россию, а позже и Англию предпринять ответные меры. Возникает второй союз — Антанта, — приступивший к осуществлению широкой программы вооружений.

Германские политики стремились теперь к тому, чтобы развязать войну раньше, чем Антанта сможет выполнить свою программу. Мир был обречен, и на долю обстоятельств и случая выпала лишь возможность определить точную дату начала войны.

Итак, великие европейские державы пришли к первой мировой войне по дороге, вымощенной концепциями сохранения мира. Но сегодня мы вновь слышим в маневрах западных дипломатов отзвуки старых «миролюбивых» концепций. Даже сами формулы «равновесия», «вооруженного мира» и т. д. буквально повторяются в их речах в виде чего-то нового, которое и на этот раз выступает лишь как основательно забытое старое. Но до этого времени идее европейской безопасности предстояло еще пройти через сложные перипетии периода между двумя мировыми войнами.

(Продолжение следует)

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Сайгонский фарс

В минувшее воскресенье, в 7 часов утра, жители Сайгона были разбужены воем сирен, возвестивших начало выборов. Вооруженные солдаты патрулировали по пыльным улицам, наряды полицейских, выставленные у избирательных участков, в любую минуту готовы были осуществить «меры по обеспечению безопасности».

А избиратели? Газета «Нью-Йорк таймс» в сообщениях из Сайгона отмечала, что «избиратели относятся к выборам с апатией и пессимизмом».

На прошлой неделе американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» вышел со статьей под заголовком «Приближаются выборы во Вьетнаме, что поставлено на карту?». Автор статьи писал: «Правила и условия, в которых будут происходить выборы, придадут этому событию весьма своеобразные обертона».

Да, действительно, обертоны южновьетнамской предвыборной какофонии были не только своеобразны, но и, на взгляд журнала «Юнайтед Стейтс ньюс», достаточно мрачны. Из 15 миллионов жителей зарегистрировались в качестве избирателей всего лишь 5 миллионов.

С поразительной уверенностью журнал предсказывал результаты: «Предвыборные выкладки указывают на то, что победа будет одержана представителями военных кругов». 40 мест в «конституционной ассамблее» журнал заранее предназначил представителям военных кругов. 30 мест отвел чиновникам, известным своей верностью режиму. 25 мест — кандидатам-католикам, тесно связанным с режимом. И, наконец, 20 мест — буддистам, одобряющим политику Ни.

«Выборы — это восхитительно!» — приводит «Юнайтед Стейтс ньюс» слова одного вашингтонского официального лица. — Военные — единственные элементы, отвечающие требованию стабильности. Нет, положительно гражданским нельзя отдавать власть в руки...»

Возникает вопрос: зачем же нужны были «выборы»? Ведь и сейчас вся власть в руках военной хунты. Вряд ли кого-нибудь обманет этот фарс.

ХОТЧНЕР ПРОТИВ ХЕМИНГУЭЯ

Несколько месяцев назад в Америке вышла книга А. Э. Хотчнера «Папа Хемингуэй» (отрывки опубликованы в журнале «Нева», № 8), сразу же получившая широкую известность и ставшая «бестселлером» благодаря умело организованной рекламе. Книга Хотчнера не обладает высокими литературными достоинствами. Более того, известный исследователь творчества Хемингуэя профессор Пенсильванского университета Ф. Янг считает ее одной из самых недобросовестных компиляций, претендующих на достоверность и серьезность.

Вдова писателя опротестовала «право» Хотчнера на вторжение в личную жизнь Хемингуэя. Почему же книга Хотчнера увидела свет? Судья, отклонивший иск Мэри Хемингуэй, сослался на то, что отмена публикации книги нанесет «непропорционально большой финансовый ущерб автору и издателю».

Не секрет, что ряд издателей и литераторов США из циничных коммерческих соображений эксплуатируют нездоровый интерес некоторых американских читателей к частной жизни знаменитостей. При этом в угоду сенсации, нередко носящей сенсационный оттенок, искажается истинный облик большого художника. Статья Ф. Янга, напечатанная в американском журнале «Атлантик», продиктована желанием оградить Хемингуэя от предприимчивого журналиста, вольно обращающегося с фактами его жизни и творчества. Мы публикуем статью Янга в сокращенном варианте.

Филип ЯНГ

После великолепного обеда в finca* вод Гаваной зимой 1954 года мы с Эрнестом засиделись за искрящимся «сансерре». Он был даже задумчивее обычного, а потом внезапно сказал: «Слушай, Фил. Смерть любого человека делает меня меньше. Потому что, черт подери, я связан со всем человечеством. Поэтому не спрашивай, малыш, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе».

Горе только в том, что этого достопамятного разговора вообще не было. (Я никогда не встречался с Хемингуэем.) Обстановка же чуть ли не дословно позаимствована из честолюбивого сочинения А. Э. Хотчнера «Папа Хемингуэй». Цитату я взял из «Словаря цитат» Бартлетта и слегка ее оживил. А то, что зимой 1954 года Хемингуэй был в Африке, не имеет, видно, значения.

Можно допустить, что за четырнадцать лет их приятельских отношений «Хотч», как его называют, действительно встречался с Хемингуэем, и даже не один раз. Возможно, что они на самом деле изготовили карточку, оповещавшую об их объединении: «Хемхотч лимитед». Но, судя по этой книге, младший компаньон прибрал к рукам все капиталы, злоупотребив оказанным ему доверием так, как и не снилось самому циничному кондотьеру пера. Не менее скверно и то обстоятельство, что любой талантливый и вдумчивый фальсификатор (даже никогда не встречавшийся с Папой) мог бы, пожалуй, прочесав его бесчисленные письма — и еще книги, журналы, опубликованные интервью и газетные статьи, — издать забористый боевик, весьма похожий на тот, о котором идет речь.

Следующие четыре обстоятельства дают основание заподозрить автора этой книги в надувательстве: во-первых, оба компаньона в «Хемхотче» грешат склонностью к слишком уж невероятным историям; во-вторых, А. Э. Хотчнер проявляет удручающее невежество относительно многих важнейших фактов, касающихся как жизни, так и творчества Хемингуэя; далее в книге встречается несколько вопиющих противоречий, и, наконец, самое главное — есть основания полагать, что многих разговоров, составляющих значительную часть мародерской песни Хотчнера, вообще никогда не было.

«Папа Хемингуэй» производит впечатление чего-то удивительно знакомого — во всяком случае на людей, в течение многих лет следивших за всеми публикациями на эту тему. Вот так, в виный раз, но уже из «разговора», мы узнаем, что Эрнест сказал Гертруде Стайн, читаем про отказы, приходившие в его комнату над парижской лесопилкой (которую Хотчнер умудрился перенести с Монпарнаса на Монмартр), и узнаем, что он думал о «десятидолларовых» словах Уильяма Фолкнера и своих собственных, более обыкновенных. Снова мы получаем историю о том, как он был ранен в первую мировую войну, как он всегда просыпался на заре и писал и при каких обстоятельствах перестал писать. Снова нам предлагается рассказ о том, как все его ранние рукописи были украдены у его первой жены в вагоне французского поезда, и о том, почему он убрал Скотта Фитцджеральда из «Снегов Килиманджаро», заменив его «беднягой Джулианом».

Поиски первоисточников этих всем известных историй во многих случаях оказались бы более хлопотными, чем дело того стоит. Но один пример, касающийся Марлен Дитрих, проиллюстрировать относительно несложно. В начале книги Эрнест и Хотчнер как-то вечером в finca разговаривают после обеда, и Папа спрашивает: «А знаешь, как мы познакомились с «капустой»?» Далее следует изложение того случая, когда Марлен Дитрих не пожелала сесть за стол, оказавшись тринадцатой гостьей: Эрнест ловко предложил себя четырнадцатым и спас положение. Этот анекдот удивительно напоминает тот, который она сама приводит в своей статье про Папу, озаглавленной «Самый замечательный из известных мне людей» и напечатанной в журнале «Зис уин» 13 февраля 1955 года.

Хотчнер далее пишет:

«...когда я ближе познакомился с Марлен, она сказала мне: «Я никогда не обращаюсь к Эрнесту за конкретными советами, но я разговариваю с ним, получаю от него письма, и в этих разговорах и письмах я нахожу то, что помогает мне в моих трудностях; он часто помогал мне, даже ничего не зная о моих трудностях. Он говорит замечательные вещи, которые автоматически подходят для самых разнообразных затруднений».

Сравните это с тем, что писала Марлен в «Зис уин»:

«Я никогда не обращаюсь к нему за конкретными советами, но я разговариваю с ним, получаю от него письма, и в этих разговорах и письмах я нахожу то, что помогает мне в моих трудностях; он часто помогал мне, даже ничего не зная о моих трудностях. Он говорит замечательные вещи, которые автоматически подходят для самых разнообразных затруднений».

Тем, кто прочел одно-два письма Хемингуэя — а их напечатано не одно и не два, — очень трудно закрыть глаза на разительное сходство между ними и задушевными разговорами в этих мемуарах. Хемингуэй написал не одну тысячу писем, и Хотчнер, который, безусловно, далеко не все время находился возле него, должен был получить их немалую толику. Так почему же он их почти не приводит? Или ему нужны не только мысли и чувства Папы, но и самые его слова?..

Наш биограф располагает еще и поддержкой суда. Когда миссис Хемингуэй попыталась воспрепятствовать выходу книги Хотчнера, судья верховного суда штата Гарри Б. Фрэнк полностью отказал ей в иске. Когда она подала апелляцию, его решение было подтверждено по всем пунктам.

Отклоняя иск миссис Хемингуэй, судья, оказывается, ссылался на три основания. Во-первых, он постановил, что закон об охране авторских прав не касается личных разговоров. Во-вторых, он строго упрекнул ее за неумение понять, что «случайные и бессвязные устные разговоры приобретают некоторое подобие формы только благодаря аранжировке в контексте литературного произведения». И, наконец, он осудил ее юридическое молчание в течение тех трех лет, когда Хотчнер писал свою книгу; когда же она все-таки подала иск, было уже поздно и остановить публикацию на этом этапе значило бы нанести «непропорционально большой финансовый ущерб» автору и издателю.

Само собой разумеется, что критики — не судьи. Однако и судьи, со своей стороны, тоже не критики да и не специалисты по творчеству Хемингуэя. Поэтому было бы очень интересно узнать, на каком основании судья сделал вывод, что миссис Хемингуэй на протяжении трех лет молчания знала о существовании этой книги; а уж посмотреть, как он стал бы это доказывать, было бы и вовсе увлекательно.

Гораздо легче поверить ее утверждению, что «ни Эрнест, ни я не имели ни малейшего представления о том, что мистер Хотчнер делал в то время какие-либо заметки или что он собирался написать книгу. Я узнала об этом только в июне (1965 года. — Ф. Я.)». Думать, что она два года не принимала никаких мер — значит считать ее непрактичной и неумной женщиной, безразлично относящейся к репутации своего мужа и к судьбе его состояния. Однако такое предположение не подтверждается никакими фактами.

Генерал-майор Ланхем, возможно, самый верный друг Хемингуэя в период «Хемхотча», получивший от него более трехсот писем (порой необычайно длинных), пишет, что его «огорчает» и «бесит» эта «пародия». «Хотчнеровский Хемингуэй — это просто не тот Эрнест Хемингуэй, которого я знал и любил». Лиллиан Росс указывает, что, хотя А. Э. вроде и удалось заставить Папу очернить ее книгу «Профиль» (в Советском Союзе вышла под названием «Портрет Хемингуэя. — Ред.), у нее есть около шестнадцати писем Хемингуэя, причем дружеских и написанных после ее «нападок» на него. Американский писатель-фотограф Питер Бакли, живший в одном номере с Хотчнером во время сарагосской feria*, обнаружил столько неточностей в этой части книги, что утратил к ней доверие в целом: «Я двадцать четыре часа в сутки был рядом с ним. Заметки? Не делал он никаких заметок».

Однажды в Каркассоне Хемингуэй сказал Хотчу: «Большинство башен и значительная часть стены тут — подделка, но реставрированы они прекрасно, ну и плевать». Возможно, есть читатели, которые так же относятся и и «Папе Хемингуэю». Однако есть и другие, которым на это вовсе не наплевать. Хотчнеровский портрет показывает только те стороны Хемингуэя, которые был способен увидеть А. Э. Он показывает не ту половину человека, которой мы обязаны лучшими его вещами: то, что в Хемингуэе вечно, порождалось глубиной и силой, недоступными взгляду заведомого мальчика на посылках.

Если в обличии «искреннего и верного друга» вы намерены вторгнуться в чей-то личный мир, то вы обязаны быть в таком случае настолько скрупулезно точным и честным, насколько это вообще в человеческих силах. Главный порок этой книги отнюдь не сводится к юридическому аспекту ситуации или к фактическим неточностям, хотя и то, и другое имеет место. Главный порок этой книги — нравственного порядка, и прощения ему нет. Немало найдется людей, которые хотели бы стать свидетелями того, как мистер Хотчнер вдруг поймет, что ему до конца своих дней придется быть автором этой книги, а не просто получать от нее доход.

* Ярмарка (исп.).

Правления Союза писателей СССР и правление Союза писателей Таджикистана с прискорбием извещают о скоропостижной смерти видного таджикского поэта

МУХИТДИНА АМИН-ЗАДЕ

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭСКИЗЫ

Как трудно быть женой в Италии

Энцо РАВА,
итальянский журналист

Не так давно один молодой и пылкий сардинец избил жену. Ничего из ряда вон выходящего в этом не было, поскольку бил он ее частенько: когда суп оказывался пересоленным и когда недосоленным, когда переваренным и когда недоваренным. Просто он хотел таким способом «научить ее готовить». Но на этот раз терпение у жены лопнуло — ведь даже у самого терпеливого из терпеливых тоже, бывает, терпение лопается. В общем, в ту минуту она держала кастрюлю с супом и выплеснула его — пересоленный или недосоленный, какой уж он там был — в лицо своему законному супругу.

Дело попало в суд. Какое решение вынесли бы вы, окажись на месте судьи и зная, что одна из статей итальянской конституции провозглашает полное моральное и юридическое равноправие супругов? Правда, надо знать еще и об уточнении к этой статье, гласящем, равноправие супругов следует рассматривать «в рамках закона о целостности семьи». Закон же этот (вернее, гражданский и уголовный кодекс) достался нам еще от фашистов и основан, между прочим, на признании морального и юридического неравноправия супругов.

Так что в данном случае блюстители закона рассудили следующим образом: муж, избивая жену, осуществлял свое законное право «учить» ее, «исправлять» (в кодексе для подобных казусов специально существует латинская формула: «jus corrigendi»). А жена, восставшая против побоев, тем самым покусилась на законное мужнино право и должна понести за это наказание. Итак, он оправдан, а она приговорена к двум месяцам тюремного заключения.

Подобные вещи происходят сплошь и рядом (хотя вслух говорить о них у нас не принято) в стране, которая двадцать лет назад имела счастье получить довольно демократическую, проникнутую духом победы над фашизмом конституцию и имела несчастье на протяжении этих двадцати лет быть под властью более или менее откровенных консервативных сил, всячески нашу конституцию попиравших.

Разумеется, не все итальянские мужья пользуются «законным правом» бить жену. В нашей общественной жизни достигнуто гораздо больше успехов, чем в попытках пересмотреть старое законодательство, которое выглядит прямотаки незаконным рядом с существующей конституцией. Но консерваторы стремятся охранять свои позиции даже тогда, когда и охранять уже нечего. Во всяком случае, итальянским женам из-за этих не отмененных законов приходится терпеть еще много унижений и обид.

С юридической точки зрения жена в Италии — раба семьи, даже когда она нередко собственным трудом содержит эту самую семью. Если, конечно, ей позволяет муж — по закону жена у нас должна следовать за мужем всюду, куда бы он ни решил переехать. Даже если жена станет президентом республики, а мужу вдруг вздумается переехать в Милан, то он может подать на нее в суд и заставить ее поспешить за ним из Рима на новое место жительства.

Итальянский кассационный суд долго думал и пришел к выводу: «Муж, требующий, чтобы жена пожертвовала своей профессиональной деятельностью, буде таковая придет в противоречие с выполнением семейных обязанностей, не превышает права и власти главы семьи».

Да, ничего не скажешь, «семейное право» у нас действительно своеобразное. Так, например, гражданский кодекс признает родительскую власть и за мужем, и за женой, но право осуществлять эту власть имеет только отец. Зато родительские обязанности распространяются и на мать. Муж имеет право просматривать корреспонденцию жены, запрещать ей ходить в кино без него, выбирать себе друзей. В должности «цензора» его утверждает предоставленное мужчине по закону «право надзора».

Закон карает и за измену мужу, и за измену жене. Но чтобы признать виновным его, нужно, чтобы жена застала мужа «на месте преступления» да к тому же имела при себе двух свидетелей одного, по возможности, полицейского комиссара, второго — присяжного заседателя, вооруженного фотоаппаратом. Для того же, чтобы признать виновной в измене ее, достаточно любой, даже косвенной улики. Один судья признал виновной в измене женщину, которая разошлась с мужем и которую застали в кухне ужинающей в компании чужого мужчины и чужой женщины.

Развода в Италии не существует, но нередко супруги «расходятся» и живут врозь. Так вот, самые большие неприятности подстерегают женщину, когда она живет одна. Все, что она зарабатывает, по закону принадлежит мужу; она не имеет права распоряжаться имуществом, полученным в приданое, по наследству и т. д. Муж может обзавестись другой семьей (неприятности его ждут лишь в том случае, если двоеженство вызовет «публичный скандал»), а свою законную жену обречь на одиночество, поскольку он, видите ли, «ревнив».

Между прочим, у нас есть положение, гласящее, что, «если муж ревнив, жена наносит ему тяжкое оскорбление, делая вид, будто изменяет ему, даже если в действительности факт супружеской измены места не имел». В городе Тренто жена, которую муж фактически бросил, но продолжал изводить своей ревностью, не выдержав, как-то воскликнула: «Да как же тебе не изменять?» И что же? Ее признали «виновной в адюльтере», не предъявив никаких иных улик, кроме ее собственных слов.

Власть мужа над женой подкрепляется и наших устаревших кодексах еще и «отцовской властью»: отец, и только отец, может решить такой, скажем, вопрос, к какую школу будет ходить ребенок и на какой факультет университета поступит (если у родителей есть для этого деньги). Если сын или дочь получают наследство, распоряжается им отец. Отец может уйти из семьи, когда дочь еще в пеленках, и объявиться лет через семнадцать после того, как выяснится, что ата самая дочь выиграла большую сумму по лотерейному билету. Закон (такой случай уже был) признает за ним право распоряжаться богатством, доставшимся еще несовершеннолетней дочери.

Расхождение между конституцией и действующими у нас законами наводит на мысль о том, что мы, итальянцы, живем в обстановке узаконенной незаконности...

РИМ

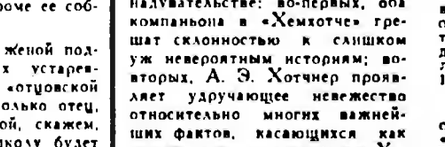
МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ

БРИТАЯ ЗВЕЗДА

В этом году исполнилось ровно сто пятьдесят лет с того дня, как в Риме состоялась премьера оперы Россини «Севильский цирюльник». Юбилей этот не нашел особенно широкого отражения в печати. Думается, отчасти это объясняется тем, что за минувшие полтора века о «Севильском цирюльнике» уже сказаны на всех языках все восторженные слова. Разве только что не было специального исследования, где бы рассматривалось, в какой гармонии находится в этой опере искусство и собственно цирюльное дело нам тамошнее.

Позволим себе обратить внимание на то, что непосредственно в качестве цирюльника Фигаро выступает только один раз — во втором действии, когда он намыливает щеки доктора Бартоло, стараясь загородить шепчущихся влюбленных. Можно смело сказать, что мыльна и пенне стоят в опере на первом месте, а бритье — на последнем.

А вот на снимке, который мы воспроизводим из парижского еженедельника «Фигаро» (не путать «Фигаро» тут, с Фигаро — там) дело обстоит совсем наоборот. Парикмахер, бреющий Берту... Но, позвольте, может возразить нешушенный читатель, в опере Россини никто не бреет Берту, служанку доктора Бартоло! И зачем ей, собственно говоря, бриться? Замонное недоумение. Но все дело в том, что Берта, которую бреют наголо на фотографии, не служанка доктора Бартоло, а служительница муз, парижская певица. И ее артистический успех целиком связан с этой цирюльной операцией. Здесь на первом месте — бритье, а потом уже пенне.



Вот что пишет по этому поводу «Фигаро»: «До того момента, пока Ален Пюжоль — литератор с пылким воображением — не обнаружил ее в одном из ночных клубов на левом берегу Сены, известность Берты, именуемой также Большой Бертой (20 лет, 1 м 75 см, 69 кг) не выходила за пределы нескольких бистро, где царили ее милый характер и ее выдающийся аппетит... Пюжоль задумал лояную проделку. Он предложил молодой женщине побриться наголо, сочинил для нее несколько песенок и начал создавать ей рекламу...»

«Самое смешное, — отмечает газета, — состоит в том, что сейчас фабриканты пластофонных пластинок заинтересовались этим делом всерьез».

Песенки бритой певицы! На такую эгинетну, может быть, клюнут покупатели, начинающие уже уставать от «волосатых» вокалистов.

М. СЕНТЯБРЬ

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-82, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-08-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-89, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 03998

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).